

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 • 2019

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор
(Академия права и управления ФСИН);

Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);

Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);

О. С. Рогачева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент
(Московский гос. юрид. университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябинина, кандидат юридических наук, профессор
(Юго-Западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор
(Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Адрес редакции:

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810

E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

94235 Объединенного каталога «Пресса России»

Ведущий редактор издательской группы

Н. Н. Масленникова

Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 8,5. Усл. п. л. 8,7

Тираж 500 экз. Заказ 641

Дата выхода в свет 20.09.2019

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2019

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2019

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 • 2019

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Vorlgoograd State University);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor (Volgograd State University);

Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor (South Ural State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Academy of law and management of the Federal service of execution of punishments);

N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);

E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Orel State University);

V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);

N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);

A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs);

T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);

O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);

S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);

T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor (Southwest State University);

M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);

I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);

V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);

O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);

V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Editorial address:

394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:

www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2019

© Desin, original-model.

Publishing house of Voronezh State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

III Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственные основы юридической деятельности (Кокоревские чтения)» (Воронеж, 13–14 сентября 2019 г.): фотоотчет.....7

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА

19 ..... УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Победкин А. В. Не страшась ответственности (перечитывая труды Л. Д. Кокорева периода начала судебной реформы) 19

Марьина Е. В. Этические и нравственные проблемы, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела.....28

34 ..... ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Манова Н. С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблемы соотношения.....34

Белкин А. Р. Три кита судебного разбирательства: непосредственность, устность, гласность 41

Богданович Н. А. Право умершего подозреваемого (обвиняемого) и его представителей на реабилитацию: законодательные и нравственные аспекты 48

Баева К. М. Принципиальные начала противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве России 54

60 ..... ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Отческая Т. И. Нравственные основы эффективной профессиональной деятельности прокурора 60

Рябинина Т. К. Институт возвращения уголовного дела прокурору: правовой и нравственный аспекты 65

73 ..... ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Шевелева С. В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера 73

Степанов В. В. Социальная реабилитация осужденных в аспекте нравственности и справедливости уголовного наказания (по результатам изучения мнения сотрудников исправительных учреждений) 85

90 ..... НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Патриарх уголовно-процессуальной науки: к 125-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Михаила Соломоновича Строговича.....90

Сазонникова Е. В. Научный взгляд профессора Г. В. Мальцева на нравственные основы права 97

99 ..... ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ

Зотов Д. Цвет преступления.....99

CONTENTS

	III all-Russian scientific-practical conference «The moral foundations of legal activities (Kokorevskie readings)» (Voronezh, 13–14 September 2019): photo report.....7
19	..... ETHICAL ISSUES OF CRIMINAL PROCESS
	<i>Pobedkin A. V.</i> Without fear of responsibility (re-reading the works of L. D. Kokorev at the beginning of the judicial reform).....19
	<i>Maryina E. V.</i> Ethical and moral issues in a stage of excitation of criminal case.....28
34	..... PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCESS
	<i>Manova N. S.</i> Principles of criminal proceedings as an embodiment of moral beginnings of criminal procedure activities.....34
	<i>Belkin A. R.</i> Three trial whales: first-hand directness, orality, publicity 41
	<i>Bahdanovich N. A.</i> The right of a deceased the suspected (accused) and his representatives to rehabilitation: legislative and moral aspects 48
	<i>Baeva K. M.</i> Fundamental principles of counteracting and neutralizing the abuse of the right by the defense in Russian criminal proceedings.....54
60	..... PROBLEMS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION
	<i>Otcheskaya T. I.</i> The moral basis of the effective professional activities of the prosecutor 60
	<i>Riabinina T. K.</i> Institute of return of criminal case to the prosecutor: legal and moral aspects 65
73	..... RELATIONSHIP OF CRIMINAL LAW AND PROCESS
	<i>Sheveleva S. V.</i> Confiscation of property as another criminal law measure 73
	<i>Stepanov V. V.</i> Social rehabilitation of convicts in the aspect of morality and justice of criminal punishment (based on the results of the study of the opinion of correctional officers) 85
90	..... SCIENTIFIC HERITAGE
	Patriarch of criminal process science: to the 125th anniversary of the birth of corresponding member of the USSR Academy of Sciences, professor M. S. Strogovich.....90
	<i>Sazonnikova E. V.</i> The scientific view of professor g. V. Maltsev on moral grounds of law.....97
99	..... ARTS AND JUSTICE
	<i>Zotov D.</i> Color of crime.....99

III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Кокоревские чтения)»

Воронеж
13–14 сентября 2019 года

(ФОТООТЧЕТ)

13–14 сентября 2019 года

ПРОГРАММА
III Всероссийской научно-практической конференции
НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(III Кокоревские чтения)

КОКОРЕВ
Лев Дмитриевич

(1927)

Участники III Всероссийской научно-практической конференции
«Нравственные основы юридической деятельности (Кокоревские чтения)»
Воронеж, 13 сентября 2019 г.

Модераторы конференции: помощник проректора по контрольно-аналитической и административной работе ВГУ доцент кафедры уголовного права ВГУ **Кудрявцев Андрей Геннадьевич**; заведующий кафедрой организации судебной власти ВГУ доцент **Зотов Денис Валентинович**; заведующий кафедрой уголовного процесса ВГУ **Стародубова Галина Викторовна**; заместитель декана по науке юридического факультета ВГУ профессор **Рогачева Ольга Сергеевна**

Выступление ведущего эксперта института дистанционного и открытого образования Южно-Уральского государственного университета доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ **Макаровой Зинаиды Валентиновны**

Выступление доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права
Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена
Милюкова Сергея Федоровича

Выступление заведующей кафедрой уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии доктора юридических наук,
профессора *Мановой Нины Сергеевны*

Выступление доктора юридических наук,
профессора кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
полковника полиции **Александрова**
Александра Сергеевича

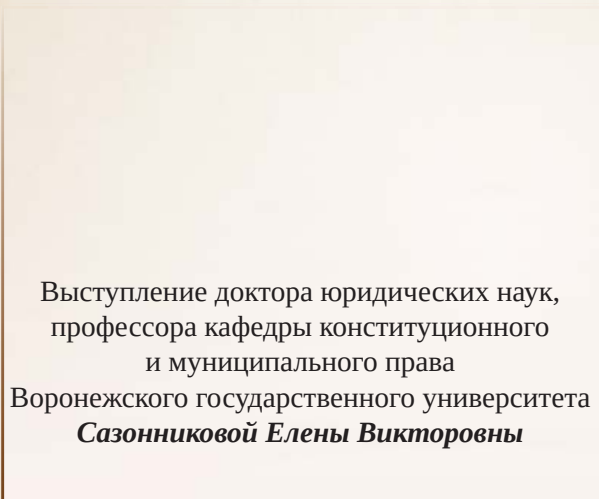
Выступление заведующей кафедрой
организации судебной и прокурорско-
следственной деятельности
Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
доктора юридических наук,
профессора **Отческой Татьяны Ивановны**

Выступление доктора юридических наук,
профессора кафедры
уголовно-правового обеспечения
национальной безопасности
Российского технологического университета
Белкина Анатолия Рафаиловича

Выступление декана юридического факультета Юго-Западного государственного университета доктора юридических наук, доцента **Шевелевой Светланы Викторовны**

Выступление доктора юридических наук, профессора кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета **Сазонниковой Елены Викторовны**

Выступление заведующей кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета кандидата юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ **Рябининой Татьяны Кимовны**

Выступление кандидата юридических наук,
доцента кафедры уголовного права
и криминологии Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова
Степанова Виктора Вячеславовича

Выступление кандидата юридических наук,
доцента кафедры уголовного процесса
и криминалистики Самарского национального
исследовательского университета
имени С. П. Королёва
Марьиной Евгении Владимировны

Выступление главного специалиста Научно-
практического центра проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной
прокуратуры Республики Беларусь
Богданович Натальи Александровны

13–14 сентября 2019 года

Экскурсия на первый российский линейный корабль регулярного военно-морского флота XVII в. «Гото Предестинация» («Божье Предвидение»)

Экскурсия в Воронежский государственный природный биосферный заповедник имени В. М. Пескова

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 343

А. В. Победкин

НЕ СТРАШАСЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ ТРУДЫ Л. Д. КОКОРЕВА ПЕРИОДА НАЧАЛА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ)

В статье осмысливается значение трудов заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Л. Д. Кокорева, написанных им в 90-е гг. прошлого века, на развитие отечественной науки уголовного процесса, уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Показано, что основные проблемы, с которыми столкнется уголовный процесс в России, в случае следования некоторым идеям реформаторов, были предвосхищены Л. Д. Кокоревым с удивительной точностью, которая стала результатом его подлинно научно обоснованных взглядов на концептуальные положения уголовного процесса. Показано, что краеугольным камнем подходов Л. Д. Кокорева к решению спрогнозированных им проблем являются нравственные начала, существенно поколебленные реформой и, прежде всего, готовность нести ответственность за принимаемые решения. С учетом несомненной верности такого похода обозначены пути решения некоторых современных проблем отечественного судопроизводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная реформа, нравственные начала уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная ответственность, меры пресечения, истина.

WITHOUT FEAR OF RESPONSIBILITY (RE-READING THE WORKS OF L.D. KOKOREV AT THE BEGINNING OF THE JUDICIAL REFORM)

The article comprehends the significance of the works of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor L. D. Kokorev, written by him in the 90s of the last century, on the development of domestic science of the criminal process, criminal procedure legislation and law enforcement practice. It is shown that the main problems faced by the criminal process in Russia, in the case of following some ideas of the reformers, were anticipated by L. D. Kokorev with amazing accuracy, which was the result of his truly scientifically based views on the conceptual provisions of the criminal process. It is shown that the cornerstone of the approaches of L. D. Kokorev to the solution of the problems predicted by him are moral principles, significantly shaken by the reform, and above all, the willingness to bear responsibility for the decisions made. Given the undoubted fidelity of such a trip, ways to solve some of the modern problems of domestic legal proceedings are outlined.

Key words: judicial reform, moral principles of criminal proceedings, criminal procedural liability, preventive measures, truth.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

© Победкин А. В., 2019

Спустя почти два десятка лет с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК) ряд его недостатков, приведших к предсказуемым проблемам, становятся очевидными даже на самом высоком уровне. На них вынужден регулярно обращать внимание даже Президент РФ (непомерное применение особого порядка при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, необоснованные случаи применения заключения под стражу предпринимателей и др.¹). В значительной степени эти проблемы обусловлены законодательными просчетами и ошибочными идеями (нередко не имеющими никакого научного обоснования), о которых неустанно и принципиально говорили крупные ученые-процессуалисты как задолго до принятия УПК, так и на всем протяжении его болезненного применения.

Конечно, хорошо, когда разумные начала торжествуют, однако почему для этого нужны прямые обращения Президента страны? Почему на протяжении многих лет игнорируются результаты научной деятельности настоящих серьезных ученых, и прежде всего советского периода, а иногда и попросту здравый смысл – то в угоду интересам того или иного ведомства, то – неквалифицированному правоприменителю, а иногда и – человеческим слабостям?

Сегодня жители страны должны быть благодарны принципиальной позиции многих ученых-юристов, твердо отстаивавшим на рубеже прошлого и нынешнего века свои убеждения, сформированные в результате преданного служения науке, и ввиду прочной научной обоснованности ставшие основой того, что часто называют научной прозорливостью.

Это их честные (!) позиции (даже если они и были диаметрально противоположны) стали залогом возвращения в уголовный процесс ценностей, от которых в азарте реформы походя отказались, на время подменив науку одной лишь политикой. Речь о возрожденных нормах, позволяющих возвращать уголовное дело прокурору для устранения широкого спектра недостатков, исследовать доказательства при отказе прокурора от обвинения, собирать доказательства в ходе проверки сообщения о преступлении в условиях достаточных процессуальных гарантий и др.

Сегодня нередко создается впечатление о неполном понимании разработчиками некоторых законодательных новелл ответственности перед людьми за качество уголовно-процессуального закона. Ряд процессуальных новелл не только не получают научного обоснования, но в ряде случаев прямо не соответствуют другим положениям закона. Один из последних примеров – новая редакция ч. 8 ст. 108 УПК, где срок содержания под стражей связывается не с наличием оснований, а с объемом следственных и процессуальных действий, которые необходимо провести и которые при этом именуется мотивами prolongation срока содержания под стражей. На судью возлагается обязанность проверки не наличия оснований нахождения лица под действием меры пресечения, а неких мотивов и дополнительно – правовой и фактической сложности материалов уголовного дела, общей продолжительности производства по уго-

---

¹ См., например: выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2019 г. URL: kremlin.ru (дата обращения: 09.09.2019).

ловному делу, эффективности и своевременности действий должностных лиц, осуществляющих досудебное производство. Иначе говоря, судья не должен проверять главное: сохраняются ли основания для применения меры пресечения и какие обстоятельства из указанных в ст. 99 УПК следует учесть. Так размывается процессуальная форма, чувство ответственности и законодателя, и правоприменителя.

Перечитывая труды заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Л. Д. Кокорева периода начала Судебной реформы, приведшей в бешеное движение маховик изменений в уголовно-процессуальное законодательство, невозможно не восхититься глубине научного прогнозирования ожидаемых проблем и точности обозначенных путей их нейтрализации.

Свои тревоги, взгляды предложения Л. Д. Кокорев изложил в цикле работ, среди которых статьи «Три кита правосудия», «Теория концепции и практика законов», «Кодекс чести... для судьи», «Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия», «Судебная реформа: идеи и реальность», «Судебные реформы под влиянием идей М. С. Строговича», «Суд в механизме государственной власти», «О некоторых принципиальных положениях УПК России», «Замечания на проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»² и др.

В этих работах применительно к Судебной реформе поднят широкий спектр вопросов науки уголовного процесса и правоприменительной практики: достижение истины, дифференциация процессуальной формы, народное представительство в правосудии, роль в доказывании признания обвиняемым своей вины, принцип презумпции невиновности и соответствие ему порядка прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и др.

Серьезное беспокойство Л. Д. Кокорева вызывают некоторые идеи Концепции Судебной реформы в РСФСР 1991 г.³, он называет их «разрушительными», они губят главное – «традиционно существующие, проверенные многолетней практикой принципы правосудия»: коллегиальность рассмотрения уголовных дел судом, выборность судей, их независимость; состязательность, при которой суд обязан стремиться к установлению истины; презумпция невиновности; отношение к признанию обвиняемым своей вины как к рядовому доказательству⁴.

Однако лейтмотивом размышлений профессора, представляется, выступила боль за грозящую уголовному судопроизводству утрату чувства ответственности и тех, кто принимает законы, и тех, кто их применяет.

Уголовно-процессуальная форма – величайшее достижение человечества, наряду с массой других функций, выполняет и функцию гарантии от прояв-

² Указанные работы систематизированно приведены в книге, посвященной памяти профессора Л. Д. Кокорева (см.: Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 269–318).

³ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 г. № 1801 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

⁴ См.: Кокорев Л. Д. Судебная реформа : идеи и реальность // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 288–295.

ления в уголовном процессе человеческих слабостей, в числе которых, подозрительность, лень, жадность, подверженность апатии и, конечно, нежелание принимать на себя ответственность за судьбоносные решения. Именно непонимание важности процессуальной формы, огульное отождествление ее с «заформализованностью» влечетвольное обращение с ней и законодателя, и правоприменителя. Вопросы к качеству процессуальной формы отягощаются сегодня небрежным отношением к ней и должностных лиц, применяющих уголовно-процессуальный закон. Особенно заметна проблема правильного применения закона, роста правового нигилизма в среде должностных лиц, ведущих уголовный процесс, стала именно на рубеже XX и XXI вв.⁵

Процессуальная форма призвана будить в человеке лучшие качества, которые, конечно, есть в каждом. Вспомним знаменитое гетевское: «Как жаль, что природа сделала из тебя одного человека: материала в тебе хватило бы и на праведника, и на подлеца» (И. В. Гете. «Ксении»). Возделывание нравственных качеств – задача непростая, однако, как заметил В. Г. Белинский: «Хорошо быть ученым, поэтом, воином, законодателем, и проч., худо не быть при этом «человеком»; быть же «человеком» значит иметь полное и законченное право на существование и не будучи ничем другим как просто человеком»⁶.

Увы, процессуальная форма, лишенная содержания, имеет лишь отрицательный заряд. «Нормативный» характер судопроизводства порой вырабатывает привычку действовать по шаблону, формально – так возникает равнодушие к людям, черствость и цинизм», – писал Л. Д. Кокорев⁷. Представляется, что это о процессуальной форме, которая не требует истины, исследования доказательств, последовательно развращает правоприменителя, возвращая в нем не нравственные качества, а пробуждая инстинкты.

Нельзя не констатировать, что законодатель, пошедший за не самыми ответственными правоприменителями, поддавшись искусу вычеркнуть из УПК все «советское» (даже вполне правильные задачи процесса, которыми до сих пор руководствуются почти все страны на постсоветском пространстве), ориентируясь на ложные и неприсущие россиянам ценности, допустил ослабление процессуальной формы, чем сыграл на руку не лучшей половине человека.

«Ответственность в ее различных формах и разновидностях – сильное средство и необходимое условие, стимулирующее любую профессиональную деятельность»⁸, а снижение чувства ответственности за решения в уголовном процессе, вызванное обесцениванием процессуальной формы, – одна из основных проблем современного отечественного уголовного судопроизводства.

Яркий пример – практика применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Передача права принимать решение о заключении под стражу от прокурора суду не лишило эту меру пресечения особой привлекательности

---

⁵ См.: Кокорев Л. Д. Три кита правосудия // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность. С. 271.

⁶ Цит. по: Лотман Ю. М. А. С. Пушкин : биография писателя. Роман «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 2017. С. 212.

⁷ Кокорев Л. Д. Кодекс чести... для судьи // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 279.

⁸ Кокорев Л. Д. Суд в механизме государственной власти // Там же. С. 305.

для правоприменителя. Вопиющие случаи заключения под стражу смертельно больных, не способных передвигаться людей⁹, или без малейших доказательств наличия оснований (ч. 1 ст. 97 УПК)¹⁰ – на слуху. Однако тысячи случаев применения этой меры при отсутствии мало-мальской необходимости – вполне обычная привычная практика, не вызывающая никакой значимой реакции ни в обществе, ни среди профессиональных юристов.

Можно, конечно, предъявить претензии и к закону, который не содержит достаточных гарантий обоснованного применения меры принуждения (особенно заключения под стражу): отсутствие прямого требования доказать основания, запрета применять заключение под стражу в связи с одной лишь тяжестью совершенного преступления или возможностью лишения свободы на длительный срок¹¹, какой-либо формализованности критериев выбора меры пресечения, подлежащей применению¹². Однако основная проблема все же нравственного характера: отсутствие желания брать на себя ответственность за принимаемые решения. Следователь и руководитель следственного органа стремятся переложить эту ответственность на судью, а судья страшится ответственности за то, что обвиняемый вдруг скроется, уничтожит доказательства и т. д. Кроме того, ни следователю, ни руководителю следственного органа, ни судье и ни прокурору (который в таких ситуациях нередко остается попросту безучастным) не совестно перед обвиняемым, его родными, близкими¹³. Взаимная безответственность должностных лиц в процессе тяжким бременем ложится на подозреваемых, обвиняемых, резко снижая их шансы на справедливость при избрании меры пресечения. Уполномоченный по правам человека обеспокоен ситуацией с неразумной распространенностью практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и относит «отсутствие у суда процессуальных возможностей проверить доказанность оснований применения заключения под стражу» к проблемам системного характера¹⁴. Представляется, однако, что проверять доказанность оснований заключения под стражу – прямая обязанность суда, и соответствующие доказательства должны быть представлены судье следователем (дознавателем).

⁹ См.: Поплавская Т. Ирония судьбы (на Кубани лишили полномочий судью, взявшую под стражу умирающего человека) // Рос. газета. 2019. 29 июля.

¹⁰ Известный всему юридическому сообществу случай заключения под стражу в связи с высокой юридической квалификацией обвиняемого, которая может быть использована для противодействия расследованию.

¹¹ Напротив, Пленум Верховного Суда РФ ориентирует на возможность избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу по мотивам тяжести преступления, невзирая на то, что сам возможный факт совершения конкретного преступления или лишения свободы на длительный срок с точки зрения ч. 1 ст. 77 УПК доказательством не является (см.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2).

¹² За исключением ч. 1.1 ст. 108 УПК, вызывающей сомнение с точки зрения принципа равенства всех перед законом и судом.

¹³ См.: Сухова И. И. Система правовых и нравственных отношений при принятии решения об избрании меры пресечения как процессуальная гарантия // Вестник Казан. юрид. ин-та МВД России. 2019. № 1 (35). С. 956–102.

¹⁴ Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека за 2018 год. URL: ombudsmanrf.org (дата обращения: 12.09.2019).

Оценивая позицию судей, поддержавших идею освобождения суда от обязанности исследовать обстоятельства уголовного дела всесторонне, полно и объективно, устанавливая истину, Л. Д. Кокорев писал: «За подобными рассуждениями, скажем прямо, скрывается нравственная неспособность осуществлять правосудие по своему внутреннему убеждению. Разве может судья быть нравственно удовлетворен, если он не сделал все, чтобы восторжествовала истина и справедливость? Это его не только профессиональный, но и нравственный долг. И судебная реформа должна помочь решению этой важнейшей задачи»¹⁵.

Судья должен нести ответственность за принятые решения «перед своей совестью судьи и человека», перед «обществом, перед подсудимым, потерпевшим, другими участниками уголовного процесса»¹⁶.

Судебная реформа, однако, пошла другим путем: в закон последовательно закладывались положения, освобождающие должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, от нравственной и правовой ответственности.

Как иначе оценить, например, обязанность суда прекратить уголовное дело при отказе государственного обвинителя от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК)? Разве не суд несет ответственность за обоснованность итогового решения по уголовному делу, за его истинность, справедливость? Отдавая должное позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой суд и в этом случае перед прекращением уголовного дела обязан исследовать имеющиеся доказательства¹⁷, заметим, что она ставит больше вопросов, чем дает ответов: кто должен представлять доказательства, в каком порядке они исследуются, как суд может прекратить уголовное дело, убедившись в виновности подсудимого и др.

Явная провокация безответственности – особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Да еще вкупе со ст. 317 УПК, запрещающей в этом случае обжаловать приговор суда в апелляционном порядке в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. Мало того, что суд не может убедиться в подтверждении вины доказательствами без их исследования, как того требует ч. 7 ст. 316 УПК, проверить обоснованность приговора лишена еще и апелляционная инстанция. То есть за обоснованность приговора не отвечает ни суд первой, ни суд апелляционной инстанции, что само по себе очевидный нонсенс.

Иногда «окончательные приговоры» такого рода сочетаются с фактическим отсутствием процесса доказывания и в ходе предварительного расследования.

---

¹⁵ Кокорев Л. Д. Кодекс чести... для судьи // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 277.

¹⁶ Шабанов П. Н., Сыщикова Т. М. Закон совести // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 8.

¹⁷ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

Вряд ли можно считать доказыванием разрешенную главой 32.1 УПК (дознание в сокращенной форме) оценку доказательств без их проверки¹⁸.

К сожалению, необходимые разумные гарантии независимости судей по небрежности законодателя или в угоду стремлению отдельной (естественно, не превалирующей) части судейской корпорации имеют признаки гарантий судейской безответственности. О грозящей опасности подмены одного другим Л. Д. Кокорев предупреждал много лет назад. Здесь не обойтись без нескольких цитат – точнее Л. Д. Кокорева по этому поводу сказать трудно: «...кое у кого создалось впечатление, что независимость судей освобождает их вообще от любой ответственности»¹⁹, «ответственность служит прежде всего воспитанию чувства долга и добросовестности в профессиональной деятельности. Чего, откровенно говоря, многим в последнее время явно недостает»²⁰; «...можно прочесть подобные пассажи судей: «Только суд, освобожденный от ответственности за сбор и качество доказательств, способен стать судом независимым ... Нельзя ли сделать суды поистине независимыми, а их приговоры окончательными, не подлежащими обжалованию?»²¹; «Такие суждения свидетельствуют о порках в нравственном сознании судей, отсутствии уверенности в своих силах независимо и справедливо осуществлять правосудие, о боязни ответственности за свою деятельность и принимаемые решения»²².

Завеса кружевной юридической терминологии УПК не должна ввести в заблуждение. Сорвав ее, мы неизбежно увидим, что по результатам особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением приговор фактически и является окончательным и не подлежащим обжалованию. Недаром крайне незначительная доля оправдательных приговоров объясняется в том числе и широким распространением особого порядка судебного разбирательства²³.

На снижение ответственности работает и производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности: мало чем отличающийся от наказания судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера назначается лицу судьей без исследования доказательств, по результатам судебного заседания, в котором обязательное участие предусмотрено только для обвиняемого (подозреваемого)²⁴.

¹⁸ См.: *Баев М. О., Баев О. Я.* Заметки об очередных изменениях УПК РФ (о новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 42.

¹⁹ *Кокорев Л. Д.* Кодекс чести... для судьи // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 278.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 279.

²³ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева на IX Всероссийском съезде судей. URL: kremlin.ru >

²⁴ Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям следователем, дознавателем и вовсе не соответствует принципу презумпции невиновности, как писал об этом Л. Д. Кокорев (см.: *Кокорев Л. Д.* Три кита правосудия // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 269). Известная позиция Конституционного Суда РФ, сделавшего попытку обосновать, что «констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления», не равнозначно признанию виновным в смысле ст. 49 Конституции РФ, представляется не в полной мере убедительной (см. об этом

Подлинную независимость судей никогда в полной мере не обеспечить ни системой судебных органов, ни неприкосновенностью судей, ни уровнем их материального и социального обеспечения (что, конечно, тоже важный фактор подлинной независимости). Независимость обеспечивается прежде всего «...личными качествами судей, их способностью противостоять любым давлению»²⁵. И повода для иронических усмешек циников и скептиков, уверенных, что подчиненный всегда выполнит волю начальника, здесь нет. Ярчайший пример нравственности мужества судьи, который приводит и Л. Д. Кокорев, – позиция А. Ф. Кони по делу Веры Засулич, когда даже просьба министра юстиции не повлияла на позицию председательствующего в процессе²⁶.

Судья должен отвечать за несправедливые решения (в том числе и промежуточные, и принимаемые на досудебном производстве) не только в уголовном или дисциплинарном порядке, но и (в случае установления его вины) в гражданско-правовом – возмещать в порядке регресса суммы, выплаченные реабилитированным лицам или тем, к кому судьей необоснованно применены меры принуждения, включая заключение под стражу. Невзирая на формулировку, согласно которой «вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда» (ч. 1 ст. 133 УПК), в настоящее время практика (еще мало распространенная) сводится к взысканию этих средств со следователя и дознавателя. Для того чтобы судьи стали субъектами гражданско-правовой ответственности, надо отказаться от обусловленности реабилитации (в том числе и возмещения вреда) уголовным преследованием (ч. 1, 2 ст. 133 УПК). Учитывая, что суд уголовное преследование не осуществляет, нужно вести речь о возмещении вреда, причиненного процессуальными решениями должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и внести соответствующие изменения в УПК.

Серьезной методологической ошибкой Л. Д. Кокорев считал рассмотрение юридической ответственности «лишь в ретроспективном аспекте», что влечет «ее отрыв от общих признаков социальной ответственности, для которой прежде всего характерна перспективная сущность»²⁷. Согласимся, что с точки зрения развития в участниках процесса, наделенных властными полномочиями,

---

подробнее: *Победкин А. В.* Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям : признание виновным оставленного в подозрении или как обеспечить соблюдение принципа презумпции невиновности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 90–98).

²⁵ *Кокорев Л. Д.* Три кита правосудия // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 271. Заметим, что содержание принципа независимости судей изложено в ст. 8.1 УПК неудачно: постороннее воздействие лиц, не являющихся участниками уголовного процесса, не допускается не только на судью, но и на прокурора, следователя, дознавателя и т. д. Важно здесь, что должны быть созданы условия, исключаяющие влияние на судью со стороны его руководителей, а независимое суждение при осуществлении правосудия является нравственным долгом судьи, за нарушение которого наступает жесткая ответственность. Об этом необходимо прямо писать в тексте УПК.

²⁶ См.: *Кокорев Л. Д.* Кодекс чести... для судьи // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 278.

²⁷ *Кокорев Л. Д.* Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия // Там же. С. 283.

нравственных качеств, соответствующих ожиданиям жителей страны, имеются все основания рассматривать ответственность как готовность действовать законно, честно и справедливо. «Под процессуальной ответственностью следует понимать правовое состояние участников уголовного судопроизводства, в силу которого у них существует необходимостью должным образом пользоваться своими правами и выполнять обязанности, а в случае ненадлежащего поведения, виновного нарушения процессуальных норм – понести предусмотренные меры воздействия»²⁸, – пишет об этом Л. Д. Кокорев.

Формированию чувства надлежащей ответственности судей перед людьми способствовало бы и более широкое участие народа в отправлении правосудия. К сожалению, даже возможность рассмотрения отдельных уголовных дел с участием присяжных заседателей в районных судах, существенно не повлияла на эффективность реализации конституционного положения о праве граждан участвовать в отправлении правосудия. Явно поторопился в свое время законодатель отказаться от института народных заседателей, который, конечно, не был порочен сам по себе. Другое дело, что был «плох подбор людей», сказались и «неумение (нежелание) судей работать с ними»²⁹, «...народные заседатели привносят в суд огромный житейский опыт, нравственное сознание и просто здравый смысл»³⁰.

Пришло время понять, что доверия жителей страны судьям, веры в правосудность решений не добиться, пока сами люди не будут участвовать в уголовном процессе, вместе с судьями принимая ответственность за судьбу человека.

Пришло время осознать, что «судебная реформа явно замедлит свое движение, а то и захлебнется, если одновременно с совершенствованием правовой основы судебной деятельности не будет укрепляться ее нравственная основа»³¹. Это не пустые слова. Доказательство тому в целом бесплодные многолетние попытки создать в стране эффективный уголовный процесс, облеченный доверием населения.

Много ошибок уже исправлено. Много предстоит исправить. Учение профессора Л. Д. Кокорева о нравственных началах судебной реформы в уголовном процессе актуальности не утрачивает. Доказано жизнью.

²⁸ Там же.

²⁹ Кокорев Л. Д. Три кита правосудия // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность. С. 270.

³⁰ Кокорев Л. Д. Теория концепции и практика законов // Там же. С. 274.

³¹ Там же. С. 273–276.

Академия управления МВД России

Победкин А. В., доктор юридических наук, профессор кафедры
управления органами расследования преступлений

Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Pobedkin A. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Management of
Crime Investigation Bodies and Units Department
E-mail: apobedkin71@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Различаются такие понятия, как этика и нравственность, приводятся примеры нравственных и этических проблем, которые возникают у правоприменителя на стадии возбуждения уголовного дела. Делается вывод о том, что к возникновению нравственных проблем могут привести неверные законодательные решения. К л ю ч е в ы е с л о в а: стадия возбуждения уголовного дела, нравственные проблемы, следователь, социальный регулятор, совесть.

ETHICAL AND MORAL ISSUES IN A STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE

This article deals with definition of concepts such as ethics and morality. Examples of moral and ethical problems in a stage of excitation of criminal case, which arise at the law enforcement. The conclusion that the moral problems may emerge after incorrect legislative decisions.

K e y w o r d s: stage of excitation of criminal case, moral problems, investigator, social regulator, conscience.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Анализируя работы ученых, связанные с исследованием проблем морали, нравственности, этики при производстве следственных действий, применении мер пресечения, оценивая в целом средства уголовно-правового регулирования и отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства, невольно обращаешь внимание на множественность (полисемантическую) используемой терминологии: «нравственные начала», «этические проблемы», «нравственные основы и профессиональная этика», «морально-нравственные аспекты», «морально-этические ценности». Казалось бы, речь идет об одном и том же, но используются различные словосочетания. При этом уже достаточно давно в уголовно-процессуальной науке сложилось представление о том, что этика – это научное знание о происхождении, сущности, законах развития и общественных функциях морали, а не само нравственное сознание общества. Этические же категории представляют собой научное обоснование нравственных понятий¹. Традиционный подход к пониманию этики сводится к обоснованию ее как науки, изучающей нравственные нормы, которые выступают в качестве регуляторов поведения субъектов складывающихся отношений.

Более того, А. Ф. Кони, ссылаясь на работы Г. В. Ф. Гегеля, указывал на существование двух видов (типов) нравственности: объективного и субъективного; при этом знаменитый юрист сделал вывод о том, что судья должен при

¹ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 8–9.

принятии решения руководствоваться внутренним чувством, затем житейской правдой и, наконец, смыслом закона². Интересно то, что в сфере медицины выбрана именно данная иерархия ответственности: «первый судья врача – собственная совесть, второй – медицинское сообщество, и только, если нарушение этических норм затрагивает нарушение законодательства, врач несет ответственность по закону»³.

Если же обратиться к этическим кодексам и нормативным правовым актам, регулирующим поведение сотрудников правоохранительных органов (например, сотрудников Следственного комитета РФ), то там можно увидеть эти же три вида ответственности, изложенные в обратной последовательности. Так, в ст. 19 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» говорится, что сотрудник обязан соблюдать Конституцию и законы государства, активно защищать интересы личности, общества и государства, чутко и внимательно относиться к заявителям, постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство и дорожить своей профессиональной честью. В ст. 28 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» определяется несколько иной порядок ценностей: на первом месте находится соблюдение закона, затем – внутренние качества сотрудника внутренних дел (его мужественность, честность, бдительность) и, наконец, его отношение к служебному долгу. Конечно, для юридической сферы, связанной с противодействием преступности, наиважнейшей ценностью должен являться закон; при этом должностное лицо при оценке своих поступков должно руководствоваться как совестью, так и принятыми в обществе (профессиональном сообществе) правилами.

Рассматривая возникающие у правоприменителя (в первую очередь, у следователя) на практике проблемы на стадии возбуждения уголовного дела, можно условно разделить их на две группы; при этом, не отходя от классического подхода, представить их как проблемы объективной нравственности и как проблемы субъективной нравственности.

К первой группе относятся ситуации несоответствия выбранного поведения мнению общества или профессионального сообщества, к которому принадлежит субъект. Таким образом, правила диктуются извне внутреннего мира человека. Ко второй группе относятся ситуации, которые оцениваются самим человеком с точки зрения его личных представлений о должном поведении и контролируются его совестью, выступающей средством внутренней оценки человеком своего поступка и приводящей к возникновению чувства ответственности.

Однако и в том и в другом случае оценка поступков человека производится им самим, в качестве мерила нравственности используются либо принятые в обществе установки, либо собственное представление о должном. Вместе с тем нередко возникает необходимость оценить поступок человека со стороны общества, и в этой ситуации мы уже выходим за пределы нравственности,

² См.: Кони А. Ф. Судебные речи. 4-е изд. СПб., 1905. С. 9, 19.

³ Статья 21 Этического кодекса российского врача 1994 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которая находится в нас самих. В последнем случае можно говорить о возникновении этических оценок, давая которые, та или иная социальная группа (общество в целом) может сделать вывод, соблюдает ли индивид определенные моральные предписания или нет.

Таким образом, можно говорить о некоторых принципиальных этических и нравственных проблемах применительно к теме настоящего исследования, которые возникают у следователя на стадии возбуждения уголовного дела:

1. При приеме заявления о преступлении от нравственных устоев следователя зависит его поведение и выбор допустимых тактических приемов и их комбинаций. Общение с лицом, сделавшим заявление (потерпевшим или свидетелем), строится, исходя из внутренних рамок сознания следователя. В этой ситуации на первом месте выступает включенность следователя в проблемы соответствующего лица, его соучастие в разрешении возникшей ситуации, желание как можно быстрее возбудить уголовное дело с целью восстановления нарушенных совершенным преступлением прав и законных интересов. Недопустима черствость при взаимодействии с тем, кому причинен вред; в каждом конкретном случае необходим индивидуальный подход. Поэтому только человеколюбие может помочь следователю защитить как частные, так и публичные интересы. Если вышеперечисленные аспекты отсутствуют, то могут возникнуть проблемы субъективной нравственности. Вместе с тем этические проблемы появляются и в тот момент, когда другие сотрудники правоохранительных органов осуждают безнравственное поведение своего коллеги, считают его бессовестным, а его поступки – не соответствующими принятым в коллективе правилам.

2. Необходимо понимать, что прием заявлений о совершенном преступлении возможен в условиях, когда лицо уже фактически задержано и находится в кабинете сотрудника правоохранительных органов. В этом случае у следователя может возникнуть нравственная проблема, связанная с применением обмана и введением в заблуждение об объеме имеющейся у него информации, т. е. использование так называемых «следственных хитростей». С одной стороны, они могут не осуждаться как государством, так и обществом, профессиональным сообществом (т. е. быть этичными) и считаться допустимыми для изобличения преступника. С другой стороны, исходя из субъективной нравственности следователя, применение лжи будет недопустимым. О. Я. Баяев писал о том, что «этичность тактического средства означает, что оно должно соответствовать принципам морали и нравственности, требованиям общей и судебной этики. Это казалось бы очевидным. Но именно оценка допустимости тактических средств вызывает наибольшие разногласия»⁴. Закон не запрещает создание следователем ошибочного представления у подозреваемого об объеме имеющейся у следователя информации. Тем не менее, чтобы следователь не злоупотреблял имеющимися у него полномочиями, оптимальным видится использование в качестве необходимого элемента механизма защиты прав подозреваемого привлечения защитника.

О. В. Качалова, анализируя практику Европейского суда по правам человека, обращает внимание на то, что Европейская конвенция начинает действо-

---

⁴ Баяев О. Я. Избранные работы (2012–2016 гг.). Воронеж, 2016. С. 326.

вать еще до возбуждения уголовного дела, например в тех случаях, когда с лицом «фактически задержанным, ведутся внепроцессуальные «беседы»⁵. Так, Европейский суд по правам человека неоднократно указывал, что сам факт разъяснения лицу права отказаться от дачи показаний не означает, что адвокат не должен присутствовать при получении соответствующих объяснений. В момент фактического задержания возможно ограничение права на защитника, но только по «веским причинам»⁶. Европейским судом по правам человека сформирована позиция, согласно которой в тех случаях, когда признательные показания составляют основу, на которой органы предварительного расследования впоследствии выстраивают дело, отсутствие адвоката при их получении свидетельствует о несправедливости судебного разбирательства⁷. В этом случае именно профессиональный юрист (защитник) сможет усмотреть обман со стороны следователя или оперативного работника.

3. Еще одна нравственная субъективная проблема возникает при явке с повинной. В тех случаях, когда лицо сознается в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (особенно, если такое преступление посягает на половую неприкосновенность, причиняет вред жизни или здоровью человека), у следователя может возникнуть внутренняя борьба, когда необходимо оставаться должностным лицом и соблюдать этичное отношение к подозреваемому, но при этом внутри себя он ощущает ярость и неуважение к лицу, признавшемуся в совершении преступления.

Необходимо понимать, что человек, поступивший на службу в правоохранительные органы, уже совершил для себя определенного рода поступок, поэтому при возникновении явки с повинной он не должен подрывать возможное доверие преступника к государству и правоохранительной системе в целом. Только наличие внутренней нравственности может позволить следователю избежать грубого, пренебрежительного отношения к подозреваемому. В научной литературе указывается, что должностное лицо должно уметь владеть своими чувствами. К этому его обязывает нравственный и профессиональный долг, интересы уголовного судопроизводства⁸. Понятие долга можно рассматривать и как нравственную основу, когда действия субъекта направлены на защиту и охрану чести и достоинства другого человека на основании собственных нравственных установок субъекта. Для достижения целей уголовного судопроизводства важно, чтобы этические и нравственные основы присутствовали одновременно, а еще лучше, чтобы они совпадали. В противном случае можно представить два варианта развития ситуации:

⁵ Качалова О. В. Критерии справедливости уголовного судопроизводства // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (20–21 марта 2015 г.). СПб., 2016. С. 154–155.

⁶ Дело Пищальников против Российской Федерации (жалоба № 7025/04) : постановление ЕСПЧ от 24 сентября 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Дело Фефилов против России» (жалоба 6587/07) : постановление ЕСПЧ от 17 июля 2018 г. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-184658%22%5D%7D> (дата обращения: 15.09.2019).

⁸ См.: Малахова Л. И. Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 128.

1) когда поведение субъекта нравственно, но не этично. Такой вариант возникает в случае, когда внутренние рамки правоприменителя не совпадают с существующими в профессиональном сообществе стандартами. Например, молодой следователь, только приступивший к работе, со всем рвением старается соблюдать закон и при наличии малейших оснований для возбуждения уголовного дела из чувства сострадания к потерпевшему инициирует начало уголовного судопроизводства. Но у сотрудников, особенно старших по званию, проработавших не один год в системе правоохранительных органов, создается ощущение того, что он своими действиями «портит» статистические показатели, нарушает сложившуюся правоприменительную практику, и на основании этого они осуждают поведение своего коллеги;

2) когда поведение субъекта этично, но безнравственно. Данная проблема возникает в той ситуации, когда лицо, не имея собственного «внутреннего стержня», собственных нравственных установок, действует, исходя из страха возможного общественного осуждения; правоприменитель здесь фактически наделен маргинальным типом правосознания.

4. На стадии возбуждения уголовного дела ограничен круг проверочных действий: можно провести опрос лиц, истребовать документы и предметы, изъять их, произвести осмотр места происшествия и освидетельствование. Наиболее острым в этом случае является вопрос о соотношении законности и нравственности методов, применяемых следователем. Могут возникать ситуации, когда сотрудник правоохранительных органов действует в соответствии с нормой закона, но при этом нарушает этические нормы. Это касается, например, взаимоотношений с участниками следственных действий, их несовершеннолетними детьми, по поводу имущества этих лиц.

Актуальным является вопрос определения границ допустимого вмешательства в частную жизнь лиц, в отношении которых проводятся следственные и иные процессуальные действия. Интересно, что именно в этой сфере может возникнуть дилемма, когда профессиональная группа считает этичным конкретное поведение, а по формальным признакам такое поведение является незаконным. Речь идет, например, о ситуации, когда при осмотре места происшествия по делам о взяточничестве после проведенного оперативного эксперимента фактически производится обыск. Однако сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что ходатайства стороны защиты об исключении недопустимого доказательств, полученного в ходе такого обыска, чаще всего отклоняются. Нередки ситуации, когда в ходе осмотра места происшествия осматриваются и личные вещи подозреваемого.

Вместе с тем законодатель включает нравственные критерии в формулировки норм уголовно-процессуального закона, это выражено в запрете производства следственных действий в ночное время суток, недопустимости их проведения, если жизни и здоровью участников может угрожать опасность, а также в том, что при проведении освидетельствования может присутствовать только лицо одного пола с освидетельствуемым. А. С. Князьков справедливо указывает на то, что понять, насколько этично или неэтично проведено следственное действие, можно только ситуационно, вне анализа следственной

ситуации дать точную оценку нравственных рамок поведения должностного лица нельзя⁹.

5. Наконец, на стадии возбуждения уголовного дела, как и в уголовном судопроизводстве в целом, необходимо соблюдать баланс интересов потерпевшего и подозреваемого. Такой баланс возможно обеспечить, в первую очередь, внутренней нравственностью, так как нравственный выбор следователя выражен в его правомочии совершить или не совершить то или иное действие. Например, следователь может незамедлительно отреагировать на заявление потерпевшего о преступлении, а может, несмотря на то что будет действовать в рамках закона, вынести соответствующее постановление только через месяц.

Для того чтобы избежать широкого толкования закона, необходимо говорить о дифференциации стадии возбуждения уголовного дела. В тех случаях, когда поводом является заявление частного лица, в уголовно-процессуальном законе необходимо закрепить положение, согласно которому возбуждение уголовного дела должно быть незамедлительным, но с уведомлением лица об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. В тех же случаях, когда повод к возбуждению дела исходит от государства, необходимо оставить так называемую «доследственную проверку», которая сможет уже подозреваемого обезопасить от необоснованного уголовного преследования.

Итак, возникающие нравственные проблемы необходимо решать триедино.

Во-первых, формулировки норм закона должны быть четкими и понятными для правоприменителя и не допускать широкого усмотрения.

Во-вторых, необходимо формировать этику юриста начиная с университетской скамьи. Внутри профессионального сообщества должно сложиться особое отношение к праву и морали как важнейшим социальным регуляторам, нарушение норм которых влечет за собой произвол и зло. Следует помнить, что молодой сотрудник, только пришедший в правоохранительные органы и у которого не до конца сформирована внутренняя нравственность, активно воспринимает установки той профессиональной среды, в которую он попадает.

И только при наличии этих двух факторов формируется собственный правильный взгляд – внутренняя нравственность, когда следователь, обладающий процессуальной самостоятельностью, будет выбирать те тактические инструменты и будет пользоваться теми средствами, которые он считает нравственными.

---

⁹ См.: Князьков А. С. Правовые и психологические аспекты этики производства допроса // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул, 2018. № 15. С. 41.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева*

Марьина Е. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики

Samara National Research University named after S. P. Korolev

Maryina E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: urclin@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ И НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Рассматривая принципы как исходные положения, имеющие в своей основе объективные закономерности, автор приходит к выводу о том, что они должны быть наполнены глубоким нравственным содержанием. Исходя из того, что связующим звеном между моралью и правом выступает справедливость, в статье исследуется данная категория применительно к осуществлению российского уголовного судопроизводства и делается вывод, что вопреки формально-определенной норме УПК РФ о справедливости приговора как соответствии назначенного судом наказания тяжести преступления и личности подсудимого, доктрина и практика уголовного судопроизводства расширяют это буквальное понимание справедливости до необходимости установления по делу истины.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нравственные основы уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, справедливость уголовно-процессуальной деятельности.

PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS AN EMBODIMENT OF MORAL BEGINNINGS OF CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES

Considering the principles as starting points, which are based on objective laws, the author comes to the conclusion that they must be filled with deep moral content. Based on the fact that justice acts as a connecting link between morality and law, the article examines this category in relation to the implementation of Russian criminal proceedings and concludes that, contrary to the formally defined norm of the Code of Criminal Procedure on the fairness of a sentence as the correspondence of a sentence of seriousness of a crime and the identity of the defendant, the doctrine and practice of criminal proceedings extend this literal understanding of justice to the need to establish the truth in the case.

К е у w o r d s: moral foundations of criminal proceedings, principles of the criminal process, justice of criminal procedure.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Содержание и назначение уголовного судопроизводства, его наиболее важные черты и свойства, функции и полномочия органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, а также правовой статус иных участников процесса, прежде всего, закреплен в его принципах, исходных началах. Вопрос о понятии и системе принципов уголовного судопроизводства был одним из наиболее разработанных уже в доктрине советского уголовного процесса¹. Но в последние годы проблема основных начал,

¹ См.: Давыдов П. М. Принципы советского уголовного процесса. Свердловск, 1970 ; Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971 ; Корнуков В. М.

на которых строится уголовно-процессуальная деятельность, вновь оказалась в самом центре внимания законодателя, ученых и практиков, так как именно принципы процесса являются тем ориентиром, который должен определять направления развития всей системы судопроизводства².

В действующем УПК РФ впервые за всю историю отечественного уголовно-процессуального законодательства принципам уголовного судопроизводства посвящена отдельная глава. Но многие российские ученые сходятся во мнении, что законодательное закрепление системы принципов уголовного процесса в главе 2 Кодекса, несмотря на ряд изменений и дополнений, внесенных в нее, далеко не идеален, что некоторые основополагающие для российского уголовного судопроизводства положения оказались не включенными в систему принципов³, другие же принципы оказались «мертворожденными»⁴.

Представляется, что в качестве принципов уголовного судопроизводства могут выступать только некие основополагающие, исходные положения, имеющие в своей основе объективные закономерности. Система принципов уголовного процесса – это не случайная сумма произвольно взятых нормативных установлений, а пронизанная единством целей и задач совокупность самостоятельных по содержанию, но взаимосвязанных и взаимообусловленных положений, характеризующих основные черты, отражающих природу и качественное единство такого вида государственной деятельности, как уголовное судопроизводство, обеспечивающих необходимые юридические гарантии достижения конечных целей процесса.

Безусловно, уголовное судопроизводство не может не опираться и на нормы нравственности, сформировавшиеся в обществе на основе представлений

Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987 ; Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С. Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. Саратов, 2001 ; Петрухин И. Л. Личная жизнь : пределы вмешательства. М., 1989 ; Савицкий В. М. Презумпция невиновности. М., 2002 ; Стецовский Ю. Н., Ларин А. М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988 ; Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса. М., 1983 ; и др.

² См.: Томин Т. В. Уголовный процесс : актуальные проблемы теории и практики. М., 2009 ; Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013 ; Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства России : правовые основы, содержание, гарантии. М., 2015 ; Принципы современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И. В. Смолькова ; отв. ред. Р. В. Мазюк. М., 2015 ; Безруков С. С. Принципы уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016 ; Принципы российского уголовного судопроизводства : содержание и проблемы реализации / под ред. Н. С. Мановой. М., 2019 ; и др.

³ См.: Бандурин С. Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004 ; Александрова Л. А. Публичность как основание уголовно-процессуального права. М., 2007 ; Томин В. Т. Уголовный процесс : актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 203 ; Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград, 2015 ; Безруков С. С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Право». 2015. № 1 (15). С. 33–35 ; и др.

⁴ См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 114.

о справедливости, совести, о правовом и неправовом. Для уголовного процесса проблема построения законодательства и правоприменительной практики на основе норм нравственности имеет особую значимость в силу того, что данный вид государственной деятельности связан с возможностью ограничения прав и свобод граждан, с вторжением в их личную жизнь. В силу этого исходные положения осуществления уголовно-процессуальной деятельности должны представлять собой некие «одухотворяющие идеи»⁵, наполненные глубоким нравственным содержанием.

К сожалению, в российском обществе в последние годы сформировалось устойчивое неприятие нравственного содержания уголовно-процессуального закона, его принципов, противопоставление процедур досудебного и судебного производства, предусмотренных УПК РФ, и норм морали, у которой, как будто иные, чем у закона, ценности⁶. Между тем именно нравственность выступает мерилем современного уровня правосознания и правоприменения в обществе. Закон слеп и глух лишь тогда, когда он находится в руках людей, наделенных высокими моральными качествами; только тогда он выливается в решения, не только законные, но и справедливые.

Требования морали в ряде случаев прямо включаются в исходные положения (принципы) уголовного судопроизводства, и собственно эти исходные процессуально-правовые предписания возникли на основе соответствующих моральных представлений и правил. Только сочетание общих нравственных принципов социума с принципами уголовного судопроизводства позволяет говорить о нравственных началах уголовно-процессуальной деятельности. Ныне во главу этих нравственных, этических начал уголовного судопроизводства поставлена личность, ее законные права и свободы.

Очевидно, что нормы нравственности и принципы осуществления уголовно-процессуальной деятельности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Поэтому общественным сознанием, как правило, дается единая правовая и нравственная оценка уголовно-процессуальной деятельности, направленной на достижение таких разноплановых задач, как защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), поддержание справедливости в обществе в целом.

Невозможно не согласиться с тем, что именно справедливость является связующим звеном между моралью и правом⁷. В нормах практически всех основных международных актов, регламентирующих уголовное судопроизводство, закреплено право каждого на справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на

---

⁵ См.: *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальный закон России : на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 64.

⁶ См.: *Насонова И. А.* Проблемы нравственности и правового регулирования, сопровождающие сокращенную форму дознания // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 108–109.

⁷ См.: *Морковичева Е. В.* Справедливость как нравственный критерий для оценки судебного разбирательства : проблемы толкования и применения // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 130.

основании закона (ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и др.). Однако в тексте российского уголовно-процессуального закона справедливость как принцип осуществления уголовно-процессуальной деятельности не нашла своего воплощения. УПК РФ говорит лишь о назначении справедливого наказания (ст. 6), а также о справедливости приговора как судебного решения (ст. 226.9, 297, 389.9). Однако ни в тексте закона, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ не проведено отчетливых различий между такими свойствами приговора, как его законность, обоснованность и справедливость.

В последние годы многие авторы говорят о необходимости включения в число принципов уголовного судопроизводства положения о его справедливости⁸. Безусловно, справедливость как идею, нравственное начало осуществления уголовно-процессуальной деятельности затруднительно определить как некое правило. «Справедливый», согласно толковому словарю русского языка, «действующий беспристрастно, соответствующий истине, осуществляющий на законных и честных основаниях, истинный, правильный»⁹. Это свидетельствует о том, что в российской ментальности справедливость всегда была сродни законности, беспристрастности и истинности. При этом многие практикующие следователи и судьи исходят из тезиса: законно – значит справедливо¹⁰.

Применительно к уголовному судопроизводству принцип законности сформулирован в ст. 7 УПК РФ, беспристрастность частично реализована через принцип независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ). Требование же истинности российский законодатель в текст действующего УПК РФ не включил.

М. С. Строгович в свое время предложил понимать под истиной в уголовном судопроизводстве «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц»¹¹, связав тем самым установление истины с полнотой и точностью исследования обстоятельств совершенного преступления. В современной российской уголовно-процессуальной доктрине положение о необходимости установления в результате судебного разбирательства объективной истины и его базовый элемент – положение о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств совершенного преступления – нередко продолжает рассматриваться как основополагающий принцип уго-

⁸ См.: Бозров В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Рос. судья. 2005. № 4 ; Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006 ; Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013 ; Тимошенко А. А. Справедливость как ценностный ориентир уголовного процесса // Рос. журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4) ; Васильев О. Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2017 ; и др.

⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 16-е изд. М., 1984. С. 658.

¹⁰ См.: Колоколов Н. А. Справедливость приговора. Актуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. Теория и практика. М., 2011. С. 886–887.

¹¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 308.

ловного процесса¹². При этом подчеркивается, что только истина должна лежать в основе такого акта правосудия, как судебный приговор, что обязанность суда в каждом конкретном случае устанавливать по делу истину есть не только его служебный долг, но и долг нравственный¹³. То обстоятельство, что в тексте УПК РФ отсутствует прямое указание на необходимость установления истины по уголовному делу, не следует воспринимать как свидетельство того, что это более не является целью современного уголовного процесса. Ведь правовые явления существуют вне зависимости от наших знаний о них и от позиции законодателя, использующего конкретный термин для обозначения определенного явления¹⁴.

В ситуации, когда в системе принципов уголовного судопроизводства отсутствует положение о всесторонности, полноте и объективности при установлении обстоятельств совершенного преступления, неизбежно возникает вопрос о том, на чем же должна быть основана справедливость уголовного судопроизводства в целом и приговора в частности? Как справедливо отмечено, поступить справедливо при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности – это значит поступить в соответствии с законом и теми фактами, которые были установлены в ходе расследования и рассмотрения дела и признаны достоверными, и поэтому только истинный приговор может быть справедливым¹⁵. Косвенное подтверждение данного суждения содержится в ст. 6 Уголовного кодекса РФ, указывающей, что наказание за совершенное преступление должно соответствовать «характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Думается, что в приведенной законодательной дефиниции словосочетание «обстоятельствам его совершения» означает не что иное, как установление при производстве по делу объективной картины преступления.

Характеризуя составляющие справедливости в уголовном судопроизводстве в теории уголовного процесса, как правило, указывают на ее материальную составляющую (соответствие истине), формальную составляющую и справедливость в субъективном смысле¹⁶. Уточняя эти критерии справедливости, Л. М. Аширова указывает на равенство прав и свобод личности; обязательность восстановления нарушенных прав и свобод; соответствие между деянием и воздаянием; необходимость установления истины при разрешении конкретных юридических дел¹⁷. Л. М. Володина, трактуя справедливость

---

¹² См.: Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 227–230 ; *Томин В. Т.* Уголовный процесс : актуальные проблемы теории и практики. М., 2009 С. 204–220 ; *Францифоров Ю. В.* Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 13.

¹³ См.: *Зинатуллин З. З.* Проблема истины в современной уголовно-процессуальной науке. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm> (дата обращения: 23.04.2016).

¹⁴ См.: *Астафьев Ю. В.* Специфика содержания истины и процесса ее установления по уголовным делам // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2010. № 2.

¹⁵ См.: *Макарова З. В.* Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Право». 2012. № 7 (266). С. 54–55.

¹⁶ См.: *Васильев О. Л.* Справедливость как принцип уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 28–30.

¹⁷ См.: *Аширова Л. М.* Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. С. 9.

в уголовном процессе, отмечает, что справедливыми должны быть не только решения, затрагивающие права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, но и вся процедура судопроизводства в целом¹⁸.

Многие авторы указывают при этом на приоритет справедливости в материальном смысле, на определяющую роль в сущности справедливости требования установления истины по делу¹⁹. «Народ России никогда не сможет с уважением относиться к уголовно-процессуальному закону, который не направлен на установление истины, не содержит для этого достаточных средств»²⁰.

Таким образом, требование справедливости не может быть обращено только к приговору или иному решению, принимаемому следователем или судом, как это закреплено в настоящее время в законе. «Узко сформулированное законодателем такое свойство приговора, как справедливость, ограниченное справедливостью наказания, есть лишь частное проявление справедливости – истины в наказании... Вопреки формально-определенной норме УПК РФ о справедливости приговора, доктрина и практика уголовного судопроизводства расширяют столь буквальное понимание справедливости за счет применения справедливости материальной (должна быть установлена истина)»²¹.

Очевидно, что на разных этапах производства по уголовному делу различен объем доказательств, находящихся в распоряжении должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, которые не всегда позволяют вынести истинное, а значит, и справедливое решение. Но в философии давно разработаны категории абсолютной и относительной истины, а в теории доказывания – корреспондирующая им категория пределов доказывания, которые позволяют определиться с достаточной совокупностью доказательств, необходимых для осуществления конкретного процессуального действия, принятия того или иного решения.

Для того чтобы справедливость стала безусловным ориентиром уголовно-процессуальной деятельности, необходимо ее закрепление в системе принципов уголовного судопроизводства. Учитывая, что данная категория во многом является этической, что справедливость – это, прежде всего, оценочное понятие, мы отчетливо осознаем трудности в формулировании соответствующего законодательного положения. Однако необходимость введения в систему принципов уголовного судопроизводства справедливости обусловлена тем, что «справедливость и право находятся в диалектической взаимосвязи: закрепленная в праве справедливость получает свойство нормативности, а право тем самым становится справедливым и нравственно обоснованным»²².

¹⁸ См.: Володина Л. М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ун-та им. О. Е. Куфаина (МГЮА). 2018. № 2. С. 21.

¹⁹ См.: Корнакова С. В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России в свете принципа состязательности уголовного процесса // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2010. № 1 (11). С. 73–75.

²⁰ Победкин А. В. Уголовно-процессуальный закон России : на пути к отечественным нравственным ценностям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 68.

²¹ Васильев О. Л. Справедливость как принцип уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 30.

²² Чечельницкий И. В. Принцип справедливости в российском праве // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 7. С. 101.

Одной из главнейших нравственных дилемм современного уголовного процесса, прямо связанных с проблемами установления истины (а значит и справедливости) при производстве по уголовному делу, является оценка доказательств. Статья 71 УПК РСФСР указывала, что должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, оценивают собранные доказательства по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Действующий УПК РФ, исключив правило о всестороннем, полном и объективном исследовании доказательств, указал, что согласно принципу свободной оценки доказательств внутреннее убеждение субъекта уголовно-процессуальной деятельности должно основываться на законе и совести (ч. 1 ст. 17).

Но категория совести – это социально-нравственное, а не правовое понятие, не имеющее четко очерченных границ. В толковом словаре С. И. Ожегова указано такое значение лексемы «совесть»: «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом»²³. Тем самым совесть конкретного субъекта правоприменения должна быть сориентирована на общество, в котором он проживает, на морально-нравственные ценности и установки, доминирующие в нем.

Дальнейшее реформирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения должны осуществляться с пониманием того, что заложенные в ментальности российских граждан нравственные ценности должны, безусловно, преобладать в любых формах реализации права. Несмотря на то что справедливость как нравственное начало осуществления уголовно-процессуальной деятельности затруднительно определить как простое правило, сформулировать как четкую норму закона, обобщение накопленных в теории уголовного процесса знаний и практического опыта осуществления уголовного судопроизводства, однозначно говорят о том, что в систему уголовно-процессуальных принципов должно быть включено положение о справедливости уголовного судопроизводства, которое должно лежать в основе регулирования уголовно-процессуальных отношений.

---

²³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2012.

Саратовская государственная юридическая академия
Манова Н. С., доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса

Saratov State Law Academy
Manova N. S., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminal Process Department
E-mail: n.manova@mail.ru

ТРИ КИТА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ, УСТНОСТЬ, ГЛАСНОСТЬ

Рассматриваются три общих условия судебного разбирательства: непосредственность, устность и гласность. Дается подробный анализ их содержания, выявлены неточности и лакуны формулировок, предложены поправки к соответствующим статьям УПК РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общие условия судебного разбирательства, непосредственность, устность, гласность.

THREE TRIAL WHALES: FIRST-HAND DIRECTNESS, ORALITY, PUBLICITY

This article addresses three general conditions of the trial: first-hand directness, orality and publicity. A detailed analysis of their content is given, inaccuracies and lacunae of wording are revealed, amendments are proposed to the relevant articles of Russian Criminal Procedural Code.

К e y w o r d s: general conditions of the trial, first-hand directness, orality, publicity.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Все правила достойного поведения давным-давно известны, остановка за малым – за умением ими пользоваться.

Блез Паскаль

Под общими условиями судебного разбирательства принято понимать установленные законом правила, конкретизирующие и уточняющие принципы уголовного процесса применительно к судебным его стадиям. Фактически они отличаются от принципов уголовного процесса лишь меньшей степенью общности, действуя не во всех стадиях, а лишь в нескольких, в первую очередь при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции.

Общие условия судебного разбирательства определяют порядок рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции, действуют в течение всего судебного разбирательства и направлены на обеспечение справедливого судебного разбирательства, вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора. Круг этих условий очерчен в главе 35 УПК РФ.

Статья 240 УПК РФ унаследовала многое от своей предшественницы – статьи «Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства» УПК РСФСР (имевшей, кстати, тот же номер 240), однако требование непрерывности ныне справедливо отвергнуто, поскольку на деле оно подразумевает простой суда при отложении судебного заседания или приостановлении производства по делу. В тексте статьи появились прямые отсылки к

нормам, допускающим оглашение показаний, и оговорки, связанные с появлением в УПК РФ особого порядка судебного разбирательства и регламентацией использования технического новшества – видео-конференц-связи.

Но кое-какие неточности и шероховатости остались.

В ч. 1 использованы два разных глагола, подчеркивающих именно устность судебного разбирательства: *заслушивает* и *оглашает*. Первое, очевидно, означает, что показания даются непосредственно в суде, второе – что они вслух зачитываются (соответствующие конкретные нормы не всегда указывают, кем именно) по протоколу допроса или иного следственного действия. Однако заключение эксперта суд в текущей редакции ч. 1 именно *заслушивает* – значит ли это, что эксперт должен явиться и лично изложить его суду?¹

Такая точка зрения бытует; но нам представляется, что она ошибочна. Даже если эксперт явится в суд, он обязан *прочитать* свое заключение, а не пересказать его, т. е. именно *огласить*. Если эксперт вызван в суд, явно предполагается, что он может быть допрошен, но ч. 2 ст. 282 прямо говорит именно об оглашении заключения эксперта, а ч. 1 той же статьи указывает, что суд вызывает эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения, – значит, заключение уже было оглашено? Действительно, на практике вызов эксперта в суд – вещь не такая уж частая, его заключение может огласить сторона или сам судья (ч. 2 ст. 285 УПК РФ). Однако возможность именно оглашения экспертного заключения следует предусмотреть, предоставив сторонам после этого ходатайствовать о вызове эксперта в суд для его разъяснения или дополнения.

Кроме того, в свете сделанных нами ранее замечаний об участии специалиста в судебном разбирательстве², имеет смысл добавить и заключение специалиста.

Однако суд заслушивает также показания эксперта, специалиста, выступления в прениях сторон и последнее слово подсудимого, а также заявляемые ходатайства, отводы, жалобы. Оглашает принятые судом решения (постановления, определения, приговор).

С учетом того что действие ст. 276 распространяется на показания, данные ранее в суде³, ч. 2 ст. 240 можно упростить.

Определенные возражения вызывает ч. 4 ст. 240, допускающая допрос свидетеля или потерпевшего с использованием систем видео-конференц-связи. Почему только их? В общем также можно допросить и эксперта, и специалиста. Коль скоро УПК в ряде случаев допускает и предполагает видео-конференц-участие подсудимого – значит, и он может быть допрошен. Однако подсудимый (как и потерпевший) – не просто участник, а сторона процесса, он

---

¹ С. В. Зуев и К. И. Сутягин идут еще дальше и, сопоставляя ст. 285 и 240, приходят к странному выводу, что «общим правилом закон считает проведение экспертизы именно в судебном разбирательстве, а оглашение заключений, данных на предварительном следствии, допускается лишь <...> в целях оценки судебных заключений» (Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс. Челябинск, 2016. С. 346–347). Согласиться с этим никак нельзя – принятие подобной точки зрения напроочь обезценивает любую экспертизу на стадии предварительного расследования, которая, оказывается, заведомо неполноценна и служит лишь вспомогательным целям.

² См.: Белкин А. Р. УПК РФ : отменить нельзя поправить? М., 2017. Т. 2, § 11.11–11.12.

³ Фактически это имеет место и для ст. 281.

и сам участвует в действиях, производимых судом, в частности в допросах других участников, осмотре вещественных доказательств. Для него видео-конференц-связь должна предусматривать гораздо более широкие возможности, в том числе обзор всего зала судебного заседания с возможностью переключения камеры на те или иные его участки по собственному усмотрению, а не по выбору оператора видео-конференц-связи. Необходимо внести соответствующие поправки и к ст. 278.1, учитывающие эти соображения.

Статья 240. Непосредственность и устность

1. В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X настоящего Кодекса. Суд:

- 1) заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта, специалиста;
- 2) осматривает предъявленные документы и вещественные доказательства;
- 3) оглашает заключение эксперта, специалиста, протоколы и иные документы;
- 4) производит другие судебные действия по исследованию доказательств.

1.1. В ходе судебного разбирательства суд также заслушивает выступления в прениях сторон и последнее слово подсудимого; оглашает или заслушивает поданные заявления, ходатайства, отводы, жалобы; оглашает вынесенные решения (постановления, определения, приговор).

2. Оглашение в суде ранее данных показаний возможно лишь в случаях, предусмотренных статьями 276 и 281 настоящего Кодекса.

<...>

4. При соблюдении условий, предусмотренных статьей 278.1 настоящего Кодекса, участие в судебном разбирательстве подсудимого, потерпевшего, а равно и допрос свидетеля, эксперта, специалиста, понятого может быть обеспечено путем использования систем видео-конференц-связи.

В УПК РСФСР принцип гласности указывался в числе общих принципов судопроизводства, хотя соответствующая ст. 18 именовалась «Гласность судебного разбирательства». Любопытно, что УПК РФ формально понизил «уровень гласности», низведя ее из принципов в общие условия судебного разбирательства; но суть осталась прежней – гласность в полной мере проявляется именно в судебном разбирательстве, предшествующие же стадии обладают некоей гласностью лишь постольку, поскольку являются промежуточными, готовящими уголовное дело к открытому и гласному судебному разбирательству, где, как известно, все и прояснится. Или, увы, так и не прояснится.

Первые части ст. 241 УПК РФ затрагивают особенности самого судебного разбирательства, последующие касаются прав и возможностей лиц, присутствующих в суде.

Некоторые неясности возникают в связи с п. 3 ч. 2 данной статьи, допускающим закрытое рассмотрение уголовных дел при возможности разглашения сведений, унижающих честь и достоинство участников уголовного судопроизводства. Но каких именно участников?

Подсудимый тоже является участником процесса – значит ли это, что исследование в суде сведений о его прошлых преступлениях (очень даже унижающее его честь и достоинство, если они у него еще сохранились) надлежит производить в закрытом заседании?

Мы вынуждены признать, что не видим возможности провести разделяющую черту достаточно четко. Остается уповать на то, что перенос слушания в закрытое заседание – право, а не обязанность судьи, и надеяться на здравый смысл, присущий судебскому корпусу.

Среди оснований для назначения закрытого судебного заседания отсутствуют еще два важных случая, которые следовало бы учесть. Судебное заседание возможно и в досудебном производстве, и на таком заседании (например, о назначении меры пресечения в порядке ст. 108 УПК РФ) могут затрагиваться вопросы, составляющие следственную тайну и ограниченные в разглашении в порядке ст. 161 УПК РФ. В таком случае, разумеется, присутствие посторонних лиц в суде крайне нежелательно. Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 29 октября 2009 г. № 22 прямо указывает на необходимость закрытого заседания, если открытое разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, в том числе тайны следствия⁴. В свете этого ранее мы уже аргументировали предложение законодательно закрепить проведение в порядке ст. 108 и 109 именно закрытого судебного заседания⁵.

Второй случай касается судебной санкции на производство следственных действий, даваемой в порядке ст. 165 УПК РФ. Анализируя эту статью, обратим внимание на то, что участвовать в этом заседании не могут не только зрители, но даже и сторона защиты – смешно в присутствии обвиняемого обсуждать планируемый в будущем у него обыск⁶!

Как справедливо полагает Г. П. Химичева, подобное ограничение оправдано, поскольку сохранение тайны предварительного следствия в данном случае более приоритетно, чем обеспечение права участников судопроизводства на информацию⁷. Сходную позицию занимает и К. И. Сутягин⁸, солидарен с ней и Конституционный Суд РФ, отметивший в одном из своих решений, что следственные действия, *достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл*⁹.

В связи с этим странной оговоркой выглядит п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19, прямо указывающий: *по общему правилу ходатайства о производстве следственных действий рассматриваются в открытом судебном заседании*¹⁰. Правда, далее указывается, что

---

⁴ Рос. газета. 2009. 11 нояб.

⁵ См.: Белкин А. Р. Указ. соч. Т. 1, § 6.6.

⁶ См.: Там же. Т. 2, § 9.7.

⁷ См.: Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам : концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 303.

⁸ См.: Сутягин К. И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. М., 2008. С. 109.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) постановление Пленума ВС РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // БВС РФ. 2017. № 7.

в случаях, указанных в ч. 2 ст. 241 УПК РФ, допускается закрытое судебное заседание, но текущая редакция этой части такого случая не предусматривает. Видимо, это намек на то, что надо бы его добавить. Добавить следует и предварительное слушание, о чем уже было сказано ранее¹¹.

Практически все комментаторы сходятся на том, что перенос судебных слушаний в закрытое судебное заседание возможен в любой момент вплоть до удаления суда в совещательную комнату¹². На наш взгляд, это стоило бы добавить в ч. 3 данной статьи, упомянув также о том, что соответствующее постановление (определение) подлежит немедленному исполнению и обжаловано быть не может.

Много существенных деталей можно добавить и к ч. 5 той же ст. 241. Письменная запись – что это такое? Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» относит к письменной форме фиксации хода судебного разбирательства в том числе ведение текстовых записей с помощью компьютерных и иных технических средств, зарисовки судебного процесса и даже ведение текстовой трансляции в Интернете¹³. Думается, сюда можно добавить и стенографическую запись.

А что же аудиозапись? УПК РСФСР ее и близко не подпускал – теперь же ст. 241 УПК никаких ограничений не содержит и, похоже, не только по причине усиления гласности. Дело в том, что УПК РСФСР создавался и долгое время действовал в условиях, когда бытовая звукозаписывающая аппаратура была громоздкая и несовершенная, так что ее использование в суде любым зрителем или участником процесса могло создать помехи нормальному ходу заседания. Однако к 2000 г. диктофоны уже стали маленькими, удобными и бесшумными и даже позволяли проводить скрытую звукозапись – в этих условиях запрещать их свободное использование было не только недемократично, но и трудно реализуемо.

А вот фото- или киносъемка в помещении суда требовала хорошего света (а то и вспышки), видеозапись также могла отвлечь внимание суда и сторон – всё это требовало серьезной профессиональной аппаратуры, создавало помехи в судебном заседании и поэтому разрешалось только с дозволения председательствующего.

Но с момента принятия Кодекса прошло почти двадцать лет – за это время технические средства фиксации заметно усовершенствовались. Современные фото- и видеокамеры (и даже просто мобильные телефоны) бесшумны, способны действовать в условиях комнатного освещения и даже вести скрытую съемку. В таких условиях, чем вводить трудно реализуемые запреты, не проще и логичнее ли разрешить в суде не только аудиозапись, но и фотосъемку и видеозапись¹⁴, при условии, конечно, что они производятся на бытовую аппа-

¹¹ См.: Белкин А. Р. Указ. соч. Т. 2, § 16.2.

¹² См., например: Научно-практический комментарий к УПК РФ. Изд. 6-е / под ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2010. С. 708 ; Безлепкина Б. Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 337.

¹³ БВС РФ. 2013. № 3.

¹⁴ Традиционно упоминаемую по инерции киносъемку мы предлагаем опустить – кто этим сейчас пользуется?

ратуру и не мешают ходу заседания, а также разрешить не только текстовую, но и видеотрансляцию заседания в Интернете, предусмотрев при этом ответственность за разглашение хода закрытых заседаний?

Вот это и будет реальный шаг в сторону бóльшей гласности, тем более своевременный, поскольку в п. 18 упомянутого постановления № 35 Верховный Суд РФ предложил судам самим осуществлять в здании суда трансляцию хода судебного заседания в режиме реального времени с использованием технических средств в случае недостаточной вместимости зала судебного заседания, в котором проводится слушание дела.

Часть 5 ст. 241 содержит непонятный запрет на трансляцию открытых заседаний, проводимых в ходе досудебного производства (видимо, прежде всего имеются в виду заседания, проводимые в порядке ст. 108–109 УПК РФ). На наш взгляд, это неправильно. Коль скоро это *открытые* заседания, какой смысл их закрывать таким образом? Зато имеет смысл предусмотреть (в качестве новой ч. 5.1) ответственность за создание помех в ходе судебного заседания, а также за незаконную аудио-, видео- и текстовую трансляцию, осуществляемую участниками процесса в ходе закрытого заседания¹⁵.

А вправе ли участники закрытого судебного заседания вести письменную или аудиозапись «для себя»? Представляется, что вправе, тем более что собственные записи могут послужить источниками замечаний, подаваемых на протокол или аудиозапись судебного заседания.

Часть 6.1 данной статьи упоминает *исключительные* случаи, но определения и критериев исключительности Кодекс не дает; хотя, строго говоря, любой случай по-своему исключителен. Кроме того, суд должен иметь право принять соответствующее решение и по собственной инициативе, не дожидаясь ходатайства.

Наконец, ч. 7 той же статьи содержит странную недоговорку, допуская в определенных случаях провозглашение в открытом судебном заседании только вводной и резолютивной частей приговора. Но возникает вопрос: а что же описательно-мотивировочная часть – ее следует оглашать в закрытом заседании или можно вовсе не оглашать? Часть 4 ст. 310 УПК РФ не только не проясняет этот вопрос, но и создает впечатление, что к моменту оглашения вводной и резолютивной частей приговора описательно-мотивировочная часть может еще даже и не быть подготовлена. Честно говоря, это выглядит полным nonsensom.

Итак, с учетом приведенных соображений к ст. 241 предлагаются следующие поправки.

Статья 241. Гласность

<...>

2. Закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, когда:

<...>

5) разбирательство уголовного дела в суде в ходе досудебного производства может привести к разглашению информации, составляющей следственную тайну и запрещенной к разглашению в порядке статьи 161 настоящего Кодекса.

<...>

---

¹⁵ Понятно, что запретить делать записи и пометки для собственных целей невозможно, да и ненужно.

3. Во всех случаях в закрытом судебном заседании проводятся:

- 1) предварительное слушание – в порядке статьи 234 настоящего Кодекса;
- 2) судебное рассмотрение ходатайств о производстве следственных действий в порядке частей первой – четвертой статьи 165 и о применении меры пресечения и продлении ее срока в порядке статей 108 и 109 настоящего Кодекса.

3.1. В закрытом судебном заседании уголовное дело рассматривается с соблюдением всех норм уголовного судопроизводства и с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Кодексом. Определение (постановление) суда о рассмотрении уголовного дела в закрытом заседании выносится в любой момент судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, касается всего судебного разбирательства либо соответствующей его части и обжалованию не подлежит.

<...>

5. Лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе: вести письменную запись, в том числе используя технические средства и стенографию, делать зарисовки, вести фотосъемку, аудио- и видеозапись судебного заседания, вести текстовую и видеотрансляцию судебного заседания в Интернете – при условии, что используемое оборудование и (или) технические средства не создают помех для судебного заседания. Трансляция открытого судебного заседания по радио и телевидению, а также иная фиксация хода заседания, производимая при помощи технических устройств, могущих создать помехи судебному заседанию, допускается с разрешения председательствующего в судебном заседании.

5.1. Участники закрытого судебного заседания вправе для собственных целей вести письменную запись, а также аудио- и видеозапись судебного заседания, в том числе и для возможной подачи замечаний на протокол и аудиозапись судебного заседания.

5.2. В случае нарушения правил фиксации хода открытого судебного разбирательства, предусмотренных частью пятой настоящей статьи, а равно и создания помех и иных нарушений порядка в судебном заседании суд вправе применить меры воздействия, предусмотренные статьей 258 настоящего Кодекса. Организация незаконной трансляции или иное разглашение хода закрытого судебного заседания может повлечь административную ответственность либо уголовную ответственность по статьям 137, 138 или 283 Уголовного кодекса Российской Федерации.

<...>

6.1. Подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно. В целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями <...>, по собственной инициативе или по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видео-конференц-связи.

<...>

*Российский технологический университет (РТУ – МИРЭА)
Белкин А. Р., доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовно-правового обеспечения национальной безопасности*

*Russian Technological University (RTU)
Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal
Legal Support for National Security Department
E-mail: anatTbel@yandex.ru*

ПРАВО УМЕРШЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НА РЕАБИЛИТАЦИЮ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Помимо этико-нравственных аспектов, в статье затрагиваются вопросы законодательного закрепления круга лиц, правомочных выступить с возражением для реабилитации лица, их процессуального статуса. Уделено внимание отдельным процессуальным вопросам, связанным с восстановлением прав умершего; раскрывается принцип справедливости с целью необходимости реабилитировать лицо, в отношении которого прекращено производство по уголовному делу. К л ю ч е в ы е с л о в а: преступление, смерть подозреваемого (обвиняемого), прекращение уголовного дела, близкий родственник, нереабилитирующие основания, справедливость.

THE RIGHT OF A DECEASED THE SUSPECTED (ACCUSED) AND HIS REPRESENTATIVES TO REHABILITATION: LEGISLATIVE AND MORAL ASPECTS

Besides ethical and moral aspects, the article touches upon problems of legislative establishment of the circle of persons, competent to make an objection of the rehabilitation of a person, their procedural status; attention was paid to the particular procedural issues associated with the restoration of rights of the dead; reveals the principle of fairness in the context of necessity to rehabilitate the person in respect of whom there is abatement of a suit and dismissal of a case .

Key words: Crime, the death of the suspected (accused), abatement of a suit (dismissal of a case), a close relative, non-rehabilitating grounds, justice.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Смерть решает все проблемы.
Нет человека – нет проблемы.
Рыбаков А. Н. «Дети Арбата»

Одним из нереабилитирующих оснований, исключающих производство по уголовному делу, является смерть подозреваемого (обвиняемого). Возможность применения данного основания предусмотрена на различных стадиях уголовного процесса: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование и судебное разбирательство. Уголовно-процессуальным законом предусмотрены различные варианты принятия решения в отношении такого лица:

- 1) отказ в возбуждении уголовного дела;
- 2) прекращение производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования;

- 3) прекращение производства по уголовному делу в суде;
- 4) постановление обвинительного приговора (без назначения наказания).

Принятие решения о завершении производства по уголовному делу в связи со смертью лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, влечет целый ряд материально- и процессуально-правовых, гражданско-правовых, а также морально-этических и организационно-правовых последствий, которые находят выражение в юридически оформленном сомнении в невиновности лица, причастность которого к преступлению проверялась в рамках стадии возбуждения уголовного дела¹, предварительного расследования или судебного разбирательства. Выделенное основание относится к группе реабилитирующих, что исключает возможность предъявления компенсаторных требований.

Честь, достоинство и доброе имя умершего в этом случае ставятся под сомнение; близкие родственники умершего могут быть ограничены в возможностях приобретения определенного статуса или должностного положения². Таким образом, в уголовно-процессуальные отношения также вовлекаются лица, которые, не имея намерения на совершение противоправных деяний, тем не менее, могут быть ограничены в своих конституционных правах по причине неустановления обстоятельств уголовного дела, исключающих возможность дальнейшего производства по нему в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления и, следовательно, установления доказательств невиновности умершего.

На протяжении долгого времени законодатель совершенствует формулу реабилитации прав умершего подозреваемого (обвиняемого). Проблемные вопросы в этой части во всех государствах идентичные. Они касаются субъектного состава лиц, правомочных на реабилитацию умершего (здесь и далее по тексту – под умершим понимается подозреваемый (обвиняемый) в совершении преступления. – Н. Б.), определения их процессуального статуса, а также особенностей, связанных с процессуальным порядком восстановления прав такого лица.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на определении круга лиц, правомочных на реабилитацию умершего. У законодателя отсутствует единство мнения и подхода к формированию данного перечня. На протяжении всего периода существования данного института в уголовно-процессуальной науке высказывались различные позиции следователями, прокурорами, судьями, потерпевшими, заинтересованными в исходе уголовного дела лицами, учеными в части субъектного состава. Однако споры относительно установления перечня участников, правомочных отстаивать интересы умершего, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование (либо судебное разбирательство), а также их процессуальный статус как участника (субъекта) уголовного процесса, продолжают продолжаться.

¹ См.: Черепанова Л. В. Процессуальные гарантии защиты чести, достоинства и доброго имени умершего, вопрос о виновности которого ставился в предварительном порядке (на стадии возбуждения уголовного дела) // Рос. следователь. 2018. № 4. С. 44.

² См.: Цоколова О. И., Карпенко В. М. Досудебное производство в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2016. № 4. С. 125–130.

Впервые о неконституционности данной нормы заговорил Конституционный Суд РФ в 2011 г. Несколько позже в своем определении от 4 июня 2013 г. № 900-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чирковой Тамары Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в п. 3.2. Суд обозначил свою позицию следующим образом: «Конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения, что, в свою очередь, предполагает обязанность компетентных органов исходить из необходимости обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме, как это вытекает из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»³.

Позднее эта правовая конструкция была рассмотрена в Конституционном Суде Республики Беларусь, который в абзаце 8 п. 6 своего Заключение от 12 июня 2014 г. № 3-928/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь пункта 7 части 1 статьи 29 и пункта 1 части 1 статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» пришел к выводу о том, что «в случае отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения предварительного расследования или прекращения производства по уголовному делу судьей при назначении судебного заседания или судом в судебном заседании по причине смерти подозреваемого или обвиняемого для обеспечения реабилитации умершего гражданина с целью защиты конституционных прав личности необходимо получение согласия близких родственников умершего. При отсутствии такого согласия уголовный процесс должен продолжаться на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты с участием на стороне защиты близких родственников умершего с принятием в соответствующих случаях судом окончательного решения по уголовному делу»⁴.

Таким образом, в своих решениях относительно вопроса дальнейшего производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) суды закрепили одновременно две важные позиции: круг лиц, обладающих правом на реабилитацию, и наличие согласия этих лиц в случае решения вопроса о прекращении производства по уголовному делу на любой стадии уголовного процесса.

Сохраняя право на защиту прав и законных интересов как умершего, так и заинтересованных лиц, законодателем регулярно делаются попытки в совершенствовании этой защиты. Согласно ежегодному мониторингу, проводимому в соответствии с Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», периодически ставится вопрос о реализации положений закона, связанных с защитой чести и достоинства умершего, в отношении которого было прекращено производство по

---

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Доступ из информ.-поисковой системы «Эталон».

уголовному делу. Так, в п. 3 приложения 3 к Докладу о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2017 г. была высказана позиция Конституционного Суда РФ: «Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П, изменения, направленные на обеспечение государственной, в том числе судебной, защиты чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого) и прав, вытекающих из принципа презумпции невиновности, в том числе конкретизировать перечень лиц, которым, помимо близких родственников, может быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, процессуальные формы их допуска к участию в деле и соответствующий правовой статус, предусмотреть особенности производства предварительного расследования и судебного разбирательства в случае смерти подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), а также особенности решения о прекращении уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию»⁵. Однако законопроект № 180771-6 отклонен Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 4 июля 2018 г.

Напротив, УПК Республики Беларусь определил круг лиц, правомочных вступать в уголовный процесс после смерти подозреваемого (обвиняемого) для его реабилитации, определив его в п. 28.1 ст. 6 УПК Республики Беларусь следующим образом: «...представители умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, – близкие родственники, члены семьи умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, либо их законные представители, допущенные к участию в производстве по материалам и уголовному делу по постановлению (определению) органа, ведущего уголовный процесс, в порядке, установленном настоящим Кодексом». Процессуальный статус данного участника определен в ст. 57.1 УПК. В связи с этим попытки белорусского законодателя определить круг заинтересованных лиц умершего и придать им определенный процессуальный статус привели к некой процессуальной определенности и практической разрешенности.

Следует отметить, что нередко главной причиной принятия решения о реабилитации умершего является желание заинтересованных лиц восстановить справедливость, выступая самостоятельным принципом в материальном праве (например, ч. 6 ст. 3 УК Республики Беларусь, ст. 6 УК РФ). Уголовно-процессуальный закон данный принцип закладывает в основу итогового решения по уголовному делу – приговора, ставя перед процессом доказывания важную цель: установление обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 102 УПК Республики Беларусь). Кроме того, одним из требований, предъявляемых к приговору, является справедливость, в смысл которой закладываются два условия:

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

наказание, назначенное виновному, должно быть определено в соответствии со статьей УК Республики Беларусь, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, и с учетом его личности (ч. 4 ст. 350 УПК Республики Беларусь), т. е. соответствует признакам дифференцированности и индивидуальности наказания. Следовательно, каждый невиновный подлежит оправданию. Аналогичное требование содержится также в процессуальных законах различных государств (например, в ст. 297 УПК РФ, ст. 259 УПК Грузии и пр.). Несколько иначе обстоит дело в уголовно-процессуальном законе Украины. Так, в ч. 1 ст. 370 УПК Украины сказано, что судебное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Здесь ничего не говорится о справедливости. Однако ч. 1 ст. 410 УПК Украины, раскрывающая содержание такого основания для отмены или изменения судебного решения в суде апелляционной инстанции, как неполнота судебного разбирательства, признает его неполным в том случае, когда остались неисследованными обстоятельства, выяснение которых может иметь существенное значение для принятия законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Таким образом, украинский законодатель предусматривает аналогичное требование к судебному решению как одно из основных на стадии апелляционного производства.

Помимо законодательного закрепления принципа справедливости, не менее актуальным остается его социальный смысл. В своих трудах Д. Л. Кокорев⁶, Н. И. Порубов⁷ неоднократно отмечали важность таких понятий, как «мораль», «этика», «нравственность». Вместе с тем ученые уделяли достаточно внимания и характеристике такого социального явления, как «общественное мнение», которое иногда невозможно отнести к справедливому суждению о виновности умершего ввиду ее недоказанности. Однако именно общественное мнение нередко «выносит» свой «приговор», от выводов которого стремятся избавиться необоснованно «осужденные» обществом лица, прибегая к защите законодателя. В связи с этим как нельзя острее ощущается необходимость соблюдения нравственных начал в уголовном процессе.

Следующая проблема, с которой приходится сталкиваться современным ученым и практикам, связана с реализацией такого нереабилитирующего основания, как смерть подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. Речь идет о процессуальном порядке применения реабилитации. Если российский законодатель остался верен классическому порядку, сохранив эти полномочия за институтом реабилитации (глава 18 УПК РФ), то в УПК Республики Беларусь вопросы, связанные с реабилитацией умершего подозреваемого (обвиняемого) наряду с главой 48 «Производство по возмещению вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс», регулируются главой 49.2 «Производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого,

---

⁶ См.: Кокорев Д. Л., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж, 1993.

⁷ См.: Порубов Н. И., Порубов А. Н. Юридическая этика : учеб. пособие. Минск, 2003.

обвиняемого», в которой изложен порядок производства по материалам и уголовному делу в случае смерти такого лица, разрешаются вопросы, связанные с уведомлением заинтересованных лиц о возможности подать заявление о несогласии с отказом в возбуждении уголовного дела или прекращением производства по уголовному делу и привлечении к участию в производстве по материалам и уголовному делу, порядок участия данных лиц в уголовном деле, особенности судебного разбирательства и вопросы, связанные с постановлением приговора. По сути, две главы не столько дополняют друг друга, сколько усложняют процесс применения реабилитационного порядка. Следует отметить, что о проблематике процессуального применения реабилитации написано достаточно научных материалов⁸, однако в большей части вопросы так и остаются неразрешенными в правоприменительной практике.

Итак, правовые последствия результатов производства по материалам и уголовному делу в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления могут иметь не только юридические, но и этико-нравственные аспекты, порочить его честь и достоинство. Не следует также забывать о круге лиц умершего, на которых после его смерти могут быть возложены ограничения, предусмотренные законодательством. В связи с этим как бы не совершенствовалась формула реабилитации прав и законных интересов умершего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления и заинтересованного круга лиц, на которых распространяются последствия решения следователя, прокурора либо суда о прекращении уголовного дела по указанному основанию, единственным условием (*часто находящемся гораздо выше любого закона*) является установление справедливости, которая выступает главной целью доказывания в уголовном процессе – установление истины.

---

⁸ См.: Чурсин А. А. Современное положение реабилитации в российском уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 115–119 ; Рожко О. В. Реабилитационное производство в системе уголовного процесса // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 9–12 ноября 2017 г.) / отв. ред. В. И. Самарин. Минск, 2017. С. 249–256.

*Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь*
Богданович Н. А., главный специалист государственного учреждения

*Scientific and Practical Centre for Problems of Reinforcing Law and Order of
the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus*

Bahdanovich N. A., Chief Specialist State Institution
E-mail: bahdanovichn@mail.ru

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ НАЧАЛА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Рассматриваются основополагающие принципы противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве, анализируется их классификация; предлагается детальное закрепление правомочий стороны защиты в уголовном судопроизводстве в действующем законодательстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, адвокат-защитник, сторона защиты, противодействие и нейтрализация злоупотреблению правом.

FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF COUNTERACTING AND NEUTRALIZING THE ABUSE OF THE RIGHT BY THE DEFENSE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the fundamental principles of countering and neutralizing the abuse of the right by the defense in criminal proceedings, analyzes their classification; It proposes a detailed consolidation of the powers of the defense in criminal proceedings in the current legislation.

К е у w o r d s: Abuse of rights, Criminal justice, Defense lawyer, Protection side, Counteraction and neutralization of abuse of the right .

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Реализация прав и выполнение обязанностей участниками уголовного судопроизводства предусматривает их осуществление в пределах, не нарушающих прав и законных интересов других лиц. Однако нередко стороны, вовлеченные в процесс и обладающие противоположными интересами, при взаимодействии друг с другом злоупотребляют предоставленными им правами.

Действующее законодательство в ст. 15 УПК РФ закрепляет принцип состязательности сторон, устанавливая, что стороны обвинения и защиты перед судом равноправны. Презумпция добросовестности при реализации предоставленных действующим законодательством прав их носителям, их разумный баланс выражают сущность одного из основных принципов уголовного судопроизводства. В связи с этим нельзя не согласиться с Н. П. Кузнецовым, который указывал, что именно состязательность, благодаря разделению процессуальных функций и равноправности сторон, стимулирует стороны наиболее активно отстаивать свою позицию, в результате чего возникает полемика, спор, в ходе которых устанавливаются обстоятельства уголовного дела¹.

---

¹ См.: Уголовный процесс России : учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 46.

© Баева К. М., 2019

Деятельность по расследованию уголовного дела осуществляется в рамках системы взаимодействия профессиональных и непрофессиональных участников процесса, которые обладают определенным набором прав и обязанностей.

Полагаем, что производство практически по любому уголовному делу осуществляется в условиях остроконфликтных ситуаций, поскольку стороны защиты и обвинения отстаивают противоположные личные и профессиональные интересы, а также являются субъектами осуществления тактической деятельности, которая может быть допустимой лишь в случае ее осуществления в пределах предоставленных законом правомочий, а также способами и средствами, прямо не запрещенными действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Безусловно, стороны свободны в выборе форм реализации своих прав, что в свою очередь порождает возможность, а главное опасность, злоупотребления ими.

Любое противодействие адвоката уголовному преследованию своего подзащитного является его взаимодействием с лицом, осуществляющим преследование, взаимодействие негативное, конфликтное по сущности и диаметрально противоположной направленности выполняемых каждым из них процессуальных функций². Т. Котарбинский сформулировал понятие взаимодействия следующим образом: «Два субъекта взаимодействуют, если хотя бы один из них помогает или препятствует другому»³, и разделил все виды взаимодействия на два типа: позитивные и негативные.

Наиболее актуальной, на наш взгляд, является следующая проблема: существуют ли (а если существуют, то какие) уголовно-процессуальные и криминалистические возможности выявления, преодоления и нейтрализации злоупотребления правом участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты? Полагаем необходимым особое внимание уделить ответам на данные вопросы, с точки зрения адвоката – защитника лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Проблема выявления случаев злоупотребления правом как стороной защиты, так и стороной обвинения, на наш взгляд, является не только малоизученной в теории уголовного процесса, но и законодательно абсолютно не разработанной, несмотря на то что данный феномен давно известен судебной практике.

Полагаем, что в рамках оказания квалифицированной юридической помощи при осуществлении защиты по конкретному уголовному делу необходимо разграничивать допустимую тактическую деятельность от фактов злоупотребления правом. Сложность заключается в том, что злоупотребление правом стороной защиты в уголовном процессе чаще всего обусловлено именно тактическими соображениями. Отсутствие надлежащей регламентации в уголовно-процессуальном законе прав и обязанностей защитника, а также отсутствие

² См.: Баев М. О. Противодействие как реализация принципа состязательности в уголовно-процессуальном исследовании преступлений // Воронежские криминалистические чтения. 2005. № 13. С. 6.

³ Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975. С. 88.

в УПК РФ норм, разграничивающих допустимое поведение от злоупотребления правом, на наш взгляд, создает возможность злоупотреблений.

Действующее законодательство очень четко определяет права, предоставленные представителям стороны защиты, которые закреплены в ст. 46–49, 53–55 УПК РФ. В свою очередь, нельзя не сказать о том, что УПК РФ крайне «скуп» регламентирует обязанности защитника по уголовному делу. Так, если ст. 51 УПК РСФСР 1960 г.⁴ именовалась «Обязанности и права защитника» и начиналась с декларативного положения: «Защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выявления обстоятельств, оправдывающих подозреваемого или обвиняемого, смягчающих их ответственность, оказывать им необходимую юридическую помощь», то ст. 53 УПК РФ в полном соответствии со своим наименованием, перечисляя полномочия защитника, в принципе не содержит обозначений о каких-либо его обязанностях. По нашему мнению, исключение из отечественного уголовно-процессуального закона указаний на обязанности защитника не оправданно и не обоснованно. Положение п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возлагает на адвоката-защитника обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами», поэтому, на первый взгляд, насущной необходимости повторять этот постулат в УПК РФ нет. Однако порядок осуществления уголовного судопроизводства, права и обязанности участвующих в нем лиц регламентируются лишь уголовно-процессуальным законодательством. Следовательно, отсутствие возложенных на адвоката-защитника уголовно-процессуальным законом определенных обязанностей предоставляет адвокату достаточно широкие возможности для злоупотребления его правами как в досудебном, так и судебном производстве по уголовному делу. Полагаем, что в настоящее время существует необходимость четкого закрепления прав и обязанностей адвоката-защитника, а также других субъектов уголовного судопроизводства со стороны защиты и пределов их осуществления с целью наступления невозможности данных лиц выйти за правовые границы и тем самым злоупотребить предоставленными им правами.

Данные границы устанавливаются с учетом двух следующих составляющих:

1. Законодательные ограничения в виде прямого указания в законе на ограничение прав и основных свобод граждан. Данный принцип именуется принципом пропорциональности и лежит в основе определения соразмерности ограничений, а также в их необходимости для обеспечения нормальной уголовно-процессуальной деятельности и достижения назначения уголовного судопроизводства. Принцип пропорциональности закреплен в уголовно-процессуальной норме, которая указывает на конкретный способ воздействия на того или иного субъекта права. Согласно данному принципу органы власти не

---

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. (в ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002). Документ утратил силу с 1 января 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

могут налагать на граждан обязательства, превышающие установленные пределы необходимости, вытекающей из публичного интереса, для достижения цели, преследуемой данной мерой. Если установлены обязательства, явно непропорциональные целям, мера будет аннулирована. Таким образом, при реализации предусмотренных законом прав и интересов можно говорить о том, что ограничения прав и свобод допустимы только при условии их соразмерности процессуально-значимым целям. Даже имея целью воспрепятствовать злоупотреблению правом путем введения определенных условий или ограничений, следует использовать только необходимые и обусловленные конституционными целями таких ограничений меры (п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П). Так, в определении от 29 мая 2007 г. № 408-О-О Конституционный Суд отметил, что конституционное право обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи и свободный выбор адвоката-защитника, который подлежит обеспечению на всех стадиях уголовного судопроизводства и не может быть ограничен ни при каких обстоятельствах, не исключает право законодателя устанавливать определенные правила реализации данного права, с тем, чтобы исключить препятствия к разбирательству дела и достижению целей правосудия в разумные сроки, а также нарушения прав и свобод других участников уголовного судопроизводства⁵.

2. Ограничения прав участника уголовно-процессуальных отношений путем воздействия на них со стороны других участников. При этом такое воздействие не должно ограничивать сущность самого права, касаться его отдельных имманентных характеристик, свойств (принцип относительной имманентности). К. Штерн писал о том, что установление границ основных прав неизбежно. Данный принцип предполагает наличие у любого процессуального права определенной основы, базиса, который определяет природу права и не может быть ограничен, однако отдельные свойства права могут быть ограничены при определенных условиях, например, если лицо использует свое право таким образом, что причиняет вред другим лицам, а также иным, охраняемым законом интересам.

Отличие принципа пропорциональности от принципа ограниченной имманентности заключается в том, что в соответствии с принципом пропорциональности конкретные способы ограничения, применяемые для недопущения злоупотребления правом, прямо предусмотрены в норме права. В то время как принцип относительной имманентности предполагает возможность использования субъектом права для воздействия на другого участника в целях противодействия злоупотреблению последним своими правами⁶.

Полагаем, что в результате анализа вышеуказанных принципов можно

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями ст. 50 и 51 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2007 г. № 408-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=40977> (дата обращения: 18.10.2018).

⁶ См.: Теория государства и права : учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2002. С. 419.

сделать однозначный вывод о том, что все права в той или иной мере могут подвергаться ограничениям. Проиллюстрировать данное положение можно следующим примером судебной практики.

В период с 19 по 21 июня 2017 г. обвиняемый Х. и его защитники были уведомлены об окончании следственных действий и 26 июня 2017 г. с ними начато выполнение требований ст. 217 УПК РФ. Уполномоченное должностное лицо обратилось в суд с ходатайством, в котором просило установить обвиняемому Х. и его защитникам – адвокатам Батдалову С. А. и Джамалутдинову М. М. срок ознакомления с материалами уголовного дела до 20 июня 2018 г., поскольку обвиняемый Х. и его защитники явно затягивали срок ознакомления с материалами уголовного дела.

Согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. Однако законодатель предусмотрел возможность противодействия и нейтрализации таковым. УПК РФ содержит положение, согласно которому, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела. В случае, если обвиняемый и его защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами уголовного дела в установленный судом срок, следователь вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, о чем выносит соответствующее постановление и делает отметку в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Судом первой инстанции обвиняемому Х. и его защитникам – адвокатам Батдалову С.А. и Джамалутдинову М. М. установлен срок ознакомления с материалами уголовного дела до 20 июня 2018 г. Мотивируя законность и обоснованность решения суда первой инстанции, Московский городской суд в своем определении, учитывая объем материалов дела, который составил 214 томов, вещественные доказательства, в числе которых 57 дисков, а также объем, с которым на день рассмотрения данного ходатайства ознакомились обвиняемый и его защитники, принимая во внимание количество рабочих дней, посчитал необходимым ходатайство следствия удовлетворить, поскольку динамика ознакомления с материалами дела являлась низкой. Доводы стороны защиты о том, что ознакомление обвиняемым Х., содержащимся под стражей, осуществлялось в помещении следственного изолятора ежедневно по мере их предоставления следователем, во внимание приняты не были⁷.

Как видно из приведенного выше примера, нередко обвиняемый либо его защитник стараются максимально растягивать ознакомление с материалами дела, как можно на более длительный срок, кроме того, достаточно сложно отличить при этом допустимое поведение защиты от случаев злоупотребления правом. Необходимость выявления таковых является первоначальным шагом для дальнейшего противодействия и нейтрализации злоупотреблений.

---

⁷ Апелляционное постановление Московского городского суда от 6 августа 2018 г. по делу № 10-12492/18. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Подробный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать однозначный вывод о том, что в УПК РФ проблема злоупотребления участниками судопроизводства со стороны защиты своими процессуальными правами фактически не опосредована, отсутствуют дефиниция данного понятия и общий запрет подобного поведения. Кроме того, его нормы часто противоречивы, что создает объективные предпосылки для злоупотреблений.

В завершение предложенного исследования, которое по понятным причинам не претендует на полноту, так как имеющие место проблемы были лишь тезисно обозначены и характеризуют основополагающие принципы противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве, хотелось бы отметить, что недостаточная определенность и многозначность отдельных правовых норм, отсутствие необходимых указаний в законе на то, как их следует понимать, существенно осложняет процесс реализации права, кроме того, наличие усмотрения порождает снижение стабильности и единообразия практики применения уголовно-процессуального закона.

*Воронежский государственный университет
Баева К. М., преподаватель кафедры уголовного процесса*

*Voronezh State University
Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process Department
E-mail: baeva.ksenia@mail.ru*

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА

Исследуется вопрос нравственных основ эффективной профессиональной деятельности прокурора; исторические подходы к оценке морали и нравственности; роль Петра I в укреплении нравственных основ прокуратуры в государстве; международный опыт задач, которые определяют в государстве Моральный кодекс. Дается анализ положений статей приказа Генеральной прокуратуры РФ по требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим службу в органах прокуратуры.
К л ю ч е в ы е с л о в а: мораль, нравственность, прокурорская деятельность, основы прокурорской деятельности, зарубежный опыт, профессиональная деятельность прокурора, история прокурорского надзора.

THE MORAL BASIS OF THE EFFECTIVE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR

The article examines the issue of the moral foundations of an effective professional activity of a prosecutor; historical approaches to assessing morality and morality; the role of Peter I in strengthening the moral foundations of the prosecutor's office in the state; international experience in the tasks that define the Code of Ethics in a state; the analysis of the provisions of the articles of the Order of the General Prosecutor of the Russian Federation on the requirements for persons serving in the prosecutor's office is given.
K e y w o r d s: morality, morality, prosecutorial activity, the basics of prosecutorial activity, foreign experience, the professional activity of a prosecutor, the history of prosecutorial supervision.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Перед органами прокуратуры РФ стоят серьезные задачи: осуществление надзора за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Это становится возможным только при условии высокого профессионализма, честности и неподкупности прокурорских работников, их независимости и беспристрастности.

Понятие «мораль» происходит от латинских слов «*moralis*» – «нравственный» и «*mores*» – «нравы». Определение моральных, нравственных норм – один из способов регулирования поведения людей в обществе, во всех сферах общественной жизни.

Исторически отношения к оценке морали и нравственности менялись.

В Древней Греции добродетель связывалась с такими нравственными качествами, как мужество, умеренность, мудрость, справедливость (учение Платона)¹.

---

¹ URL: <https://isolophey.livejournal.com/29238.html>

© Отческая Т. И., 2019

Петр I понимал исключительную важность подбора кадров в прокуратуре, говоря о том, что избирать прокуроров надлежит «из всяких чина», но «лучших». Служба в прокуратуре считалась государственной службой, и все состоявшие прокуроры занимали строго определенное нормативным правовым актом того времени положения, предусматривавшие материальное обеспечение от государства².

Петр I ввел присягу судей во всем государстве. Присяга содержала требования нравственного свойства. Ее нарушения влекли правовые последствия. Профессионализм прокуроров России в тот период возрастал по мере увеличения в его рядах лиц, получивших высшее юридическое образование.

По мнению Н. В. Муравьева, губернскими прокурорами, а иногда губернскими и даже уездными стряпчими стали назначать лиц с высшим юридическим образованием, преимущественно окончивших курс в училище правоведения³.

Прокуроры всегда являлись элитой юридических кадров в стране, отличались высоким уровнем профессионального правосознания и особо трепетным отношением к понятию чести⁴.

Уже к середине XIX в. прокуратура стала одним из наиболее образованных элементов русского чиновничества.

По мнению Н. А. Воскресенского, если на местных прокуроров поступало «доношение», что они «званий своих истинно и ревностно не исполняют», то генерал-прокурор обязан был представить этот документ в Сенат со своим мнением⁵.

По Екатерининскому указу прокуроры и стряпчие получили право в любое время входить в присутственные места, при этом чиновники не могли их перебивать и должны были в молчании выслушивать заключение и предложение по должности; могли потребовать все реестры и дела присутственных мест. Прокурорские заключения держались в тайне от тяжущихся, и последние не могли потребовать отвода прокурора. В случае, если прокурор или стряпчий знали об упущении и промолчали, они сами подлежали «ответу и взысканию законному»⁶.

В XX в. были обозначены новые нравственные требования: доброта, мужественность, выполнение долга, человеческого братства и солидарности, безучастность к чужому горю, непримиримость к подлости и беспощадность к негодяям, равнодушие к богатству, власти, карьере и другим рычагам личного возвышения, блюсти честь и достоинство⁷.

Действовавший в советское время Моральный кодекс строителя коммунизма⁸ основными задачами в обществе определял коллективизм, честность, соблюдение нравственных устоев поведения и др.

² Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 5. С. 199.

³ См.: *Муравьев Н. В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1889. С. 356–357.

⁴ См.: *Прокурорский надзор : учебник / В. Н. Григорьев [и др.]*. М., 2006. С. 165.

⁵ См.: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М., 1945. Т. 1. С. 319.

⁶ *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Око государево. Российские прокуроры. XIX в. М., 1994. С. 286.

⁷ См.: *Ремарк Э. М.* Тени в раю : роман. М. ; Харьков, 1998.

⁸ URL: https://studopedia.ru/11_1969_tekst-moralnogo-kodeksa-stroitelya-kommunizma.html

В государственных учреждениях США вывешивается для всеобщего обозрения Моральный кодекс, в котором также указывается, что каждый служащий должен ставить верность высшим моральным принципам и стране выше преданности каким-либо лицам или партиям; защищать Конституцию и законы; добросовестно и инициативно выполнять свои обязанности; честно трудиться; разоблачать любые проявления коррупции⁹.

Российские прокуроры аналогично в своей деятельности призваны соблюдать нравственные нормы.

В частности, ст. 40.1 закона о прокуратуре¹⁰ установлено, что прокурором может быть лицо, которое, наряду с наличием российского гражданства и высшего юридического образования, полученного в образовательном учреждении высшего профессионального образования, имеющем государственную аккредитацию, должно обладать также необходимыми профессиональными и моральными качествами, а также способное по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на него служебные обязанности.

В соответствии со ст. 40.4¹¹ лицо, впервые назначаемое на должность прокурора, принимает Присягу прокурора, в соответствии с которой обязуется, в частности, чутко и внимательно относиться к предложениям, заявлениям и жалобам граждан, соблюдать объективность и справедливость при решении судебных людей, дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры.

Требования нравственности являются главными и могут быть предъявлены не только непосредственно к служебной деятельности прокурора, но и к правильности выстраиваемых им взаимоотношений с подчиненными, посетителями, должностными лицами поднадзорных органов и организаций, а также поведению вне службы, в быту.

В соответствии с Кодексом этики прокурорского работника РФ, утвержденного приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г., в служебной деятельности прокурорский работник своевременно принимает эффективные меры к защите охраняемых законом прав и свобод человека и гражданина, а также интересов общества и государства; добивается устранения нарушений закона и восстановления нарушенных прав; придерживается общих принципов служебного поведения государственных служащих; стремится быть образцом уважения к суду, способствует вынесению законного, обоснованного и справедливого судебного решения; в отношениях с другими участниками судебного процесса проявляет принципиальность, корректность, непредвзятость и уважение. Нарушение прокурорским работником норм Кодекса, выразившееся в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности¹².

---

⁹ URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/28450-nravstvennye-osnovy-prokurorskoj-deyatelnosti>

¹⁰ О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Там же.

¹² Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Рос-

На международном уровне также разработаны и утверждены требования к этике прокурора.

Стандарты профессионального поведения и ответственности прокуроров приняты 23 апреля 1999 г.¹³ Международной Ассоциацией прокуроров, где указано, что прокуроры всегда поддерживают честь и достоинство своей профессии; применяют высочайшие стандарты честности и внимательного отношения; стремятся быть стойкими, независимыми, беспристрастными; служат интересам общества и защищают их. Прокуроры должны исполнять свои обязанности беспристрастно, без страха, одолжения или предрассудков, не поддаваться влиянию интересов индивидуальных лиц или групп, давлению общества или прессы, всегда стремиться к установлению истины, содействовать в этом суду и обеспечивать законное и справедливое решение для пострадавшего, обвиняемого и всего общества в соответствии с законом и велением справедливости.

В соответствии с руководящими принципами в сфере этики и Кодексом поведения работников прокуратуры, принятыми Шестой конференцией генеральных прокуроров стран – членов Совета Европы 31 мая 2005 г. (Будапештские рекомендации¹⁴) предусмотрено, что работники прокуратуры обязаны неуклонно, повсеместно и при любых обстоятельствах осуществлять свои функции честно, справедливо и беспристрастно, уважать, защищать и соблюдать права и достоинство личности; соблюдать закон и быть законопослушными, вести себя таким образом, чтобы и впредь сохранять, и повышать доверие общества к их деятельности.

Автор разделяет позицию Н. Карпова о том, что в действующем законодательстве не конкретизируется, что следует понимать под словами «необходимыми моральными качествами» (ст. 40.1 закона о прокуратуре), «соблюдением объективности и справедливости при решении судеб людей», «моральной чистотой» (ст. 40.4), «внутренним убеждением» и «совестью» (на основании которых судьи, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства – ст. 17 УПК РФ).

В связи с этим правомерным будет использование опыта судейского сообщества России. Так, в соответствии с Кодексом судейской этики¹⁵ «судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации судьи и поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия».

Кодекс чести судьи запрещает действия, нарушающие корпоративную солидарность судей: судьи не вправе публично, вне рамок профессиональной

сийской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 17 марта 2010 г. № 114 (в ред. от 13.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ URL: [https://www.iap-association.org/getattachment/Resources-Documentation/IAP-Standards-\(1\)/Russian.pdf.aspx](https://www.iap-association.org/getattachment/Resources-Documentation/IAP-Standards-(1)/Russian.pdf.aspx)

¹⁴ Европейские руководящие принципы по этике и поведению для прокуроров (Будапештские руководящие принципы) : приняты на VI Конференции генеральных прокуроров стран Европы (Будапешт, 2005).

¹⁵ Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельности, подвергать сомнению вступившие в законную силу решения судов и критиковать профессиональные действия своих коллег.

Во многих странах понятия «добропорядочность» и «честность» отождествляются. При формировании корпуса прокуроров следует использовать зарубежный опыт¹⁶, а также эффективнее привлекать молодых талантливых специалистов сразу после окончания высших учебных заведений и, проверив их на практике, рекомендовать лучших работников в кандидаты на должности прокуроров. Право быть прокурором должно быть заслужено высоким профессиональным уровнем, психологической устойчивостью, безупречным поведением при исполнении служебных обязанностей, в быту.

Для роста по карьерной лестнице у прокурора будет достаточно времени, чтобы адаптироваться к профессии и решить для себя, хочет ли он в дальнейшем брать на себя высокую ответственность, поскольку именно работники прокуратуры утверждают в обществе дух законности и справедливости, осознают социальную значимость прокурорской деятельности и свою меру ответственности перед обществом и государством.

---

¹⁶ См.: Жукова Н. К. Вопросы отбора судей по законодательству РФ // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2014. № 2 (70). С. 332.

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Отческая Т. И., доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Otcheskaya T. I., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Management of Judicial, Prosecutorial and
Investigative Activities Department
E-mail: tiotchetskaya@msal.ru

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ: ПРАВОВОЙ И НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена проблеме правового регулирования института возвращения уголовного дела прокурору. Аргументируется невозможность возвращения к прежнему институту – возвращения уголовного дела для дополнительного расследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, возвращение уголовного дела прокурору, справедливость.

INSTITUTE OF RETURN OF CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR: LEGAL AND MORAL ASPECTS

The article is devoted to the problem of legal regulation of the institution of return of a criminal case to the Prosecutor. In the article the author argues the impossibility of returning to the former institution – the return of the criminal case for further investigation.

K e y w o r d s: criminal process, return of criminal case to the Prosecutor, justice.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Не одно десятилетие Россия предпринимает попытки построить правовое демократическое государство, важнейшим элементом которого является справедливое, гуманное правосудие по уголовным делам, основанное на принципах состязательности и максимального благоприятствования личности. Пройдя тернистый путь демократизации, проводимой Конституционным Судом РФ в 1990-е гг., российский уголовный процесс в 2001 г. получил новый Уголовно-процессуальный кодекс, который в большей степени соответствует современным общественным нравственным ценностям демократического типа, чем устаревший УПК РСФСР времен «хрущевской оттепели». Были решены многие моральные проблемы, возникавшие в практике следователей, прокуроров, судей ввиду несогласованности законом установленной идеи доминирования государственного интереса с вытекающей из ст. 2 Конституции РФ необходимостью защищать человека всякого, оступившегося и даже глубоко морально падшего. Новый УПК России отчасти гипертрофировал индивидуалистические ценности, исключив из своих норм такие фундаментальные для справедливого правосудия категории, как истина, всесторонность, полнота и объективность в уголовном судопроизводстве, породив новые нравственные проблемы в практике, требующие своего разрешения. Таким образом, можно и нужно говорить о том, что перед нами по-прежнему стоит задача нравствен-

ного совершенствования законодательства, выработки баланса личных и публичных ценностей в сфере борьбы с преступностью ради цивилизованного будущего¹.

Принятие Уголовно-процессуального кодекса РФ ознаменовало начало новой эпохи в сфере российского уголовного судопроизводства – на первое место выходит правоохранная роль производства по уголовному делу, вытесняющая его репрессивные, карательные начала. Основным лейтмотивом кодекса является переход к состязательному процессу, проявившийся в лишении суда многих обвинительных полномочий, столь характерных для прежнего законодательства (оглашение обвинительного заключения, право первого допроса подсудимого, возвращение дела на дополнительное расследование и т. п.), наделении участников уголовного судопроизводства равными возможностями для защиты своих интересов.

Несмотря на серьезные шаги законодателя по изъятию из закона норм, позволявших суду стоять на обвинительных позициях, говорить об «излечении» судей от обвинительных установок еще рано. Такая ситуация связана в первую очередь с правовым регулированием деятельности судьи по установлению и исследованию обстоятельств совершенного преступления, предоставлением ему полномочий для активного участия в процессе доказывания в условиях состязательного построения судопроизводства, а также с тем, что у суда и стороны обвинения много точек соприкосновения, гораздо больше, чем со стороной защиты. Это связано с реализацией таких принципов уголовного судопроизводства, как законность и публичность.

Общеизвестно положение, закрепленное в п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, о праве любого лица на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, ставшее отправной точкой для современных российских законодателя и правоприменителей, фактически подтолкнувшее их к переосмыслению как социального назначения уголовно-процессуального права (наполнения его нравственным содержанием, в первую очередь духом справедливости², а не только буквой закона), так и практики его применения.

Вместе с тем современный уголовный процесс прослыл образцом противоречивости, эклектичности и непоследовательного внедрения идей концепции «уголовного иска» в традиционную (еще с дореволюционных времен) ткань уголовно-процессуальной формы, нацеленной на достижение объективной истины. В результате демократические принципы, соответствующие этой концепции, обреченно увязли в старой структуре досудебного производства и уголовно-процессуального доказывания, характерной для парадигмы «объективная истина».

Эта тенденция наглядно проявляется в правовом регулировании института возвращения уголовного дела прокурору. Так, законодатель, стремясь, с одной

---

¹ См.: Козьявин А. А. Уголовное судопроизводство России с точки зрения принципов системного социологического подхода // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2012. № 5 (44), ч. 1. С. 143–147.

² См.: Козьявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. М., 2010. С. 162–183.

стороны, приблизиться к состязательному процессу а, с другой – усилить судебный контроль за досудебным производством и создать надежный механизм для устранения выявленных недостатков и нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных органами предварительного следствия и дознания, а также прокурором, исключающих принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям законности и справедливости, ликвидирует институт возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, введя новый институт – возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Кроме того, как отмечается в юридической литературе, отказ от прежнего института «...обусловлен целями стимулирования качества расследования и обеспечения права обвиняемого быть судимым без неоправданной задержки» (ч. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека)³. С этим трудно поспорить, поскольку и судебная практика, и теоретические исследования правового регулирования института возвращения дела на исследование последнего десятилетия действия прежнего УПК свидетельствовали о том, что суд фактически «шел на поводу» у стороны обвинения, возвращая дело прокурору во всех сомнительных ситуациях, вместо того чтобы разрешить уголовное дело по существу, в том числе вынести оправдательный приговор.

Введение нового института ставит своей целью реализацию одного из основных направлений судебной реформы – утверждение самостоятельной и независимой судебной власти, поднятие авторитета суда, его нового статуса, лишение его полномочий, позволявших хоть сколько-нибудь сомневаться в его беспристрастности и справедливости. Безусловно, новый подход к сути института возвращения уголовного дела прокурору предполагал, что суд в современных условиях, обретая, наконец, реальную власть, независимость и самостоятельность, опираясь на действительно демократические принципы: презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон, свободы оценки доказательств, в случаях недоказанности обвинительной версии, противоречивости или недостаточности доказательств, представленных стороной обвинения, станет выносить оправдательные приговоры, вместо того чтобы возвращать уголовные дела прокурору с тем, чтобы тот обеспечил исправление допущенных ошибок или нарушений при производстве предварительного расследования, или восполнение доказательств, или изменение объема обвинения или квалификации деяния, или вообще преградил обратный путь дела в суд во избежание вынесения оправдательного приговора, что чаще всего и делалось ранее в виде прекращения уголовного дела.

На наш взгляд, ни судьи, ни прокуроры, ни следователи не были готовы к таким кардинальным изменениям. Конечно, это обусловлено целым рядом причин, исследованием которых необходимо заниматься отдельно. Среди них следовало бы назвать и неспособность судей проявить свою власть, поскольку, хотя их деятельность в соответствии с новым уголовно-процессуальным законом и была лишена обвинительных начал, в действительности оказалось сложно разорвать нить, десятилетиями связывавшую суды с органами

³ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 516.

обвинительной власти; и непоследовательное реформирование досудебного производства, так и оставшегося по сути репрессивным, обвинительным, что наложило свой отпечаток на весь уголовный процесс России, который по типу, хотя и относят к смешанному, не предполагающему возвращение уголовного дела прокурору для дополнительного расследования⁴, тем не менее сохранившему этот рудимент дореформенного судопроизводства, пусть и не в своем первоизданном виде; и недосказанность и половинчатость в определении роли суда в процессе доказывания, что повлекло раскол в среде процессуалистов по вопросу установления истины по уголовному делу и активности суда в сборе доказательств, и пр. Отсюда – частые законодательные изменения в УПК РФ, меняющиеся правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, шарахающаяся из одной крайности в другую судебная практика, что свидетельствует об отсутствии четкой государственной политики в вопросах развития российского уголовного судопроизводства, и это при том, что на официальном уровне еще в 1991 г. была принята Концепция судебной реформы в Российской Федерации, наметившая основные направления реформирования российского правосудия.

В подтверждение настоящего тезиса можно сослаться на веское мнение В. Шадрин, отметившего, что «...новый Уголовно-процессуальный кодекс создавался как закон опережающего действия, т. е. как российская модель уголовного процесса охранительного типа, которую еще предстояло опробовать, хотя необходимые предпосылки для этого еще не созрели»⁵. Справедливо также замечание А. Тришевой о том, что «...этот институт, более приемлемый для чисто состязательной модели судопроизводства, "не вписался" в российскую правовую систему смешанного типа, поэтому в действующем механизме правового регулирования он не смог обеспечить качественное отправление правосудия»⁶. Следует заметить при этом, что Л. Д. Кокорев задолго до принятия УПК РФ высказывал опасения по поводу того, что судебская справедливость может существенно пострадать в результате ограничения прав суда в возможности устанавливать истину, восполнять пробелы предварительного следствия, возвращать дело для дополнительного расследования и пр.⁷

Поэтому новый институт российскими процессуалистами был встречен неоднозначно⁸. Так, одни ученые полагают, что уголовное дело возвраща-

---

⁴ См. о типе российского уголовного процесса: *Мельников В. Ю.* Суд в условиях состязательности уголовного процесса // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской. М., 2011. С. 122.

⁵ *Шадрин В. С.* Трансформация уголовного судопроизводства в контексте правовой политики государства // Стратегия уголовного судопроизводства : материалы науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения И. Я. Фойницкого. М., 2008. С. 196.

⁶ *Тришева А.* Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. 2009. № 7. С. 3–9.

⁷ См.: *Кокорев Л. Д.* Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия 1, Гуманитарные науки. 1993. Вып. 1. С. 78.

⁸ См.: *Зайцева Е. А., Трифонова К. А.* Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование : проблемы теории и практики. М., 2014.

ется прокурору с целью исправления единичных процессуально-технических недостатков, а не с целью комплексного дополнительного расследования⁹, устранения явных препятствий для разрешения дела по существу¹⁰, в связи с чем стали критиковать новый институт, указывая на лишение суда возможности принимать меры к вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора, а следовательно, и к разрешению дела, что негативным образом сказывается на статусе суда как самостоятельного и полноправного субъекта процессуальной деятельности¹¹, подрывает его авторитет как органа правосудия.

Другие авторы в своих публикациях утверждают, что этот институт не что иное, как восстановленный или видоизмененный институт возвращения уголовного дела для производства предварительного расследования¹². Подобная позиция отражает общее современное понимание сути этого института, что находит отклик и у большинства правоприменителей¹³, и основана она на том, что устранение многих недостатков предварительного расследования при возвращении уголовного дела не может быть не связано с производством след-

⁹ См.: Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 2–4 ; Уголовный процесс России : учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 281–282 ; Петрухин И. Л. Доследование : расхождения закона и практики // Уголовный процесс. 2007. № 8. С. 27.

¹⁰ См.: Ковтун Н. Н. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству : все еще требует оптимизации процессуальной формы // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 41 ; Рябина Т. К. Восстановлен ли институт дополнительного расследования? // Государство и право. 2015. № 1. С. 27–38.

¹¹ См.: Кашепов В. П. О преобразовании статуса суда в уголовном судопроизводстве // Журнал рос. права. 2002. № 12. С. 3–7 ; Ефимичев П. С. Новый УПК России и защита интересов личности и государства // Там же. 2003. № 2. С. 27.

¹² См.: Азаров В., Баранов А., Супрун С. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования : правосознание и закон, толкование и применение // Уголовное право. 2004. № 2. С. 84–86 ; Петуховский А. Восстановить институт возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Рос. юстиция. 2004. № 2. С. 47–49 ; Александров А., Белов С. Возвращение уголовного дела прокурору // Законность. 2004. № 12. С. 31–32 ; Зыкин В. Необходимо восстановить институт возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования // Там же. 2005. № 8. С. 33–35 ; Морозов П. Трансформация института возвращения судом уголовного дела прокурору // Там же. С. 36–38 ; Акименко Е. В. Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. Лекция. САПУ. СПб., 2005. С. 14 ; Зыкин В. Возвращение судом дел для дополнительного расследования : состояние и перспективы // Рос. следователь. 2006. № 1. С. 6–9 ; Колоколов Н. А. Последние новеллы УПК РФ : баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 29 ; Лисафьева О. Б. Возвращение уголовного дела прокурору в системе уголовного судопроизводства России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. URL: <http://www.disserscat.com> (дата обращения: 01.08.2019) ; Лазарева В. А. Возвращение дополнительного расследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Государство и право : вызовы XXI века» (Кутафинские чтения). М., 2010. С. 554–559 ; Тришева А. Возвращение уголовного дела прокурору : судьба института // Законность. 2015. № 4. С. 50 ; и др.

¹³ Так, 46,7 % опрошенных судей, 65,9 % прокуроров и 85,7 % адвокатов считают данный институт реанимированным институтом возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования.

ственных действий, на что указал и Конституционный Суд РФ, признав данное положение не соответствующим Конституции РФ¹⁴.

Напротив, И. А. Лупин полагает, что ныне действующий механизм возвращения уголовного дела прокурору нарушает правовую преемственность институтов российского уголовного судопроизводства, предлагая восстановить институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование¹⁵. Схожие идеи о расширении полномочий суда по выявлению и устранению выявленных нарушений закона, допущенных в досудебном производстве, путем восстановления некоторых оснований возвращения уголовного дела прокурору, предусматривавшихся в УПК РСФСР, в том числе связанных с восполнением неполноты проведенного предварительного расследования, производством следственных действий и пр., высказывают и другие авторы¹⁶.

Действительно, новый институт вызывает много вопросов и споров, но, на наш взгляд, возвращение к прошлому в данном случае невозможно. И дело здесь не в правовой или политической конъюнктуре, а в необходимости создания на самом деле действенного механизма устранения нарушений закона, допускаемых в досудебном производстве, которые выявляются в стадии назначения судебного заседания и препятствуют направлению уголовного дела в следующую стадию. Нельзя забывать и о том, что в условиях расширения полномочий суда в производстве по уголовному делу в сторону усиления судебного контроля за досудебным производством суд как орган правосудия должен быть наделен властными полномочиями по отношению к органам предварительного расследования, их незаконным и необоснованным решениям, препятствующим рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, в том числе и путем возвращения уголовного дела прокурору для устранения выявленных препятствий¹⁷. Поэтому нам близка позиция А. А. Тришевой и О. Б. Лисафьевой о том, что правовая система смешанного типа с

---

¹⁴ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Рос. газета. 2003. 23 дек.

¹⁵ См.: Лупин И. А. Возвращение уголовных дел на дополнительное расследование в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁶ См.: Зыкин В. Необходимо восстановить институт возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования. С. 35 ; Дяденькин С. В. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 11 ; Акименко Е. В. Указ. соч. С. 17 ; Шугуров А. В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 19–20 ; Белкин А. Р. УПК РФ : конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XII : Подготовка к судебному заседанию. Общие условия судебного разбирательства. М., 2018. С. 22 ; Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки на стадии предварительного следствия и пути их предотвращения и устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 8 ; и др.

¹⁷ Опрос практических работников подтвердил целесообразность сохранения данного института: 90 % судей, 72,7 % прокуроров и 64,3 % адвокатов высказались положительно.

розыскным предварительным расследованием и состязательным судебным производством предполагает между расследованием и разрешением дела наличие промежуточного судебного контроля¹⁸, но «...при состязательной форме (строе) процесса юридическое и социальное назначение этого процессуального института заключается лишь в устранении объективных препятствий к судебному рассмотрению и разрешению дела по существу. В данной связи он объективно не может служить «законным» средством продолжения или дополнения обвинительной деятельности, дополнительным инструментом исправления ошибок обвинительной власти, явно или завуалированно используемым в ее интересах»¹⁹.

В связи с этим введение в уголовно-процессуальный закон новых оснований возвращения уголовного дела прокурору, связанных с возможностью изменения подсудимому обвинения на более тяжкое, свидетельствует именно о том, что в настоящее время суд уже не связан только теми пределами, которые были установлены государственным обвинением, что он самостоятелен, независим от стороны обвинения, при этом обеспечивая достижение назначения уголовного судопроизводства и вынесение законного, обоснованного и справедливого решения, определяющего и судьбу поступившего в суд уголовного дела, и судьбу обвиняемого (подсудимого), и обеспечивающего защиту прав и законных интересов потерпевших, в первую очередь право на доступ к правосудию. Такой правопорядок соответствует мировой практике, а также имеет опору и на правовом наследии Судебных уставов 1864 г.

Таким образом, на наш взгляд, наиболее эффективным и отвечающим современным тенденциям совершенствования российского уголовного судопроизводства видится именно институт возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, а не для производства дополнительного расследования, хотя правоприменители испытывают трудности в своей практической деятельности в связи с противоречивостью и нелогичностью в правовом регулировании нового института. Прежде всего, это касается возможности инициирования судом вопроса о возвращении уголовного дела прокурору, пределов постановки этого вопроса, а также полномочий самого прокурора по устранению препятствий рассмотрения уголовного дела судом и процессуальных средств, обеспечивающих эту деятельность. Наряду с этим необходимо усовершенствовать систему оснований возвращения уголовного дела прокурору, определив, целесообразно ли сохранение некоторых из них.

В заключение необходимо отметить, что, исходя из специфики контрольно-подготовительной деятельности суда по принятию решения о дальнейшем движении поступившего в суд уголовного дела, суду следует предоставить более широкие полномочия властного характера, связанные с возможностью и

¹⁸ См.: *Тришева А. А.* Возвращение судом уголовного дела прокурору : генезис, современное состояние, пути совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 01.08.2019) ; *Лисафьева О. Б.* Указ. соч.

¹⁹ *Корнуков В., Сотсков С.* Допускает ли ст. 237 УПК РФ возможность дополнительного расследования по уголовному делу? // Уголовное право. 2003. № 1. С. 71. См. также: *Ковтун Н. Н.* Указ. соч. С. 41.

необходимостью реагировать на нарушения и ошибки, допущенные в досудебном производстве, с тем, чтобы обеспечить не только правовые, но и справедливые основы судебной деятельности.

Юго-Западный государственный университет

Рябинина Т. К., кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики

South-West State University

Riabinina T. K., Candidate of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

УДК 343.2

С. В. Шевелева

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Проводится анализ конфискации имущества как меры уголовно-правового воздействия. Определяется ее правовая сущность, пределы применения по кругу лиц, правовые последствия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конфискация имущества, меры уголовно-правового воздействия, наказание.

CONFISCATION OF PROPERTY AS ANOTHER CRIMINAL LAW MEASURE

The article analyzes the confiscation of property as a measure of criminal impact, determines its legal essence, the limits of application in the circle of persons, the legal consequences.

К e y w o r d s: confiscation of property, measures of criminal legal influence, punishment.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Отношение законодателя к конфискации имущества на разных этапах развития Российского государства было неоднозначным. Конфискация имущества как вид наказания была предусмотрена еще в Русской правде. Однако если сначала она являлась достаточно «выгодным» видом наказания, так как способствовала пополнению бюджета потерпевшего, а потом и государства, то с течением времени роль конфискации становится второстепенной, и она выполняет функции дополнительного наказания¹.

С вступлением в силу ныне действующего УК РФ конфискация была предусмотрена как дополнительный вид наказания. Однако в 2003 г.² она была отменена. Законодатель, исключая конфискацию имущества из числа видов наказаний, обосновывал это тем, что само существование данного наказания идет вразрез с основными началами права собственности. Более того, она была малоэффективна.

Действительно, за последние два года действия конфискации (2001–2003 гг.), она была применена только к 50 лицам из 1649, осужденных за по-

---

¹ См.: Мартыненко Э. В. Нормативно-правовая модель конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2009. № 2. С. 116–124.

² О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу законодательных актов РСФСР от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ // Рос. газета. 2003. 9 дек.

лучение взятки, причем в минимальных пределах³, а в бюджет государства попадало только 4–7 % конфискованного имущества⁴. Малоэффективность конфискации можно объяснить неправильными действиями правоохранительных органов. Прежде чем реализовать конфискацию, нужно было «дождаться» приговора суда. До этого времени обвиняемый мог свободно распоряжаться своим имуществом. Естественно, что когда приходило время для описи имущества для последующей конфискации, оно было продано, подарено и любыми другими способами сокрыто. Для повышения эффективности рассматриваемого института достаточно было бы наложить арест на имущество (ч. 1 ст. 115 УПК РФ, в ред. от 29.06.2015), которое впоследствии могло быть конфисковано, что не позволило бы обвиняемому, его родственникам и другим заинтересованным лицам скрыть указанное имущество. Решение законодателя о ее отмене в системе наказаний в УК РФ выглядело как минимум странным. В связи с этим еще более неожиданно выглядят сегодняшние статистические данные. Как известно, обеспечение исполнения приговора в части возможной конфискации осуществляется посредством наложения ареста на имущество на стадии предварительного расследования (ст. 115 УПК РФ).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судами Российской Федерации в 2017 г. окончено производство по более чем 45,5 тыс. ходатайств органов, осуществляющих предварительное расследование, о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, в 2018 г. – по 40,8 тыс. ходатайств, из которых около 87 % удовлетворено судом⁵.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» конфискация имущества возвращена в уголовное законодательство, однако не как самостоятельный вид наказания, а в качестве одной из мер уголовно-правового характера (глава 15.1 УК РФ). Одновременно данным законом расширены полномочия следователя (дознвателя): наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, не терпящее отлагательства, может быть произведено на основании постановления следователя (дознвателя) без получения судебного решения. В случае такого ареста должностное лицо в течение трех суток обязано уведомить судью и прокурора о произведенном следственном действии. Судья обязан проверить законность проведенного следственного действия и вынести постановление о его законности или незаконности (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

---

³ См.: Зорькин В. Законный брак // Рос. газета. 2006. 7 июля.

⁴ См.: Преступность и правонарушения (1999–2003) : статистический сборник. М., 2004.

⁵ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Согласно ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества, т. е. принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора может осуществляться в отношении денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения ряда преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, в том числе преобразованного имущества (п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) либо используемого или предназначенного для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ); орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

При этом при невозможности конфискации определенного предмета, входящего в указанное имущество, вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета либо иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации. Кроме того, конфискации подлежит имущество, переданное осужденным другому лицу (организации), если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

Таким образом, в статьях главы 15.1 УК РФ предусмотрено несколько видов конфискации, которые, очевидно, имеют различную правовую природу. Следовательно, необходимо определиться с правовой сущностью данного правового института и его пределами.

Дело в том, что введение конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера привело еще к большим дискуссиям вокруг данного института, чем прежде. Если ранее спор ученых сводился к необходимости существования конфискации или в отсутствие такой необходимости, то теперь ввиду неоднозначности в понимании существующей редакции закона возникло еще больше вопросов, ответы на которые действующий закон не дает. Более того, с момента введения конфискации в новом статусе было принято еще 18 федеральных законов, уточняющих отдельные вопросы⁶. Данные изменения преимущественно касаются расширения перечня составов преступлений, за которые может быть назначена рассматриваемая мера уголовно-правового характера. Данное обстоятельство подчеркивает несовершенство правовых норм, связанных с конфискацией.

Какова же правовая природа конфискации, учитывая ее местоположение в действующем УК РФ?

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ (в ред. от 06.12.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235 ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : федер. закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) // Там же. 2011. № 19. Ст. 2714 ; и др.

Одни ученые рассматривают конфискацию как дополнительное наказание⁷, т. е. то, чем она была до 2003 г. Другие, проводя разграничение с наказанием, утверждают, что конфискации присущи не все признаки наказания⁸. Довольно туманно выглядит высказывание В. В. Агильдина: «...конфискация имущества не имеет карательно-репрессивной направленности, типичной для любого из видов наказаний, поскольку ее принудительность состоит лишь в обязанности осужденного претерпевать ограничения, связанные с необходимостью передать в собственность государства определенное имущество»⁹. Рассуждая в подобном ключе, можно было бы утверждать, что принудительный характер штрафа как вида наказания заключается в обязанности осужденного передать в собственность государства часть своего имущества в виде денег.

Следует признать, что конфискация как иная мера уголовно-правового характера имеет с наказанием больше сходных черт, чем различий.

Во-первых, при соотношении конфискации с наказанием становится очевидным, что карательный заряд конфискации имущества существенно превышает те лишения и ограничения прав осужденного, которые следуют из применения целого ряда видов наказания (штрафа, обязательных работ, исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Во-вторых, она остается мерой государственного принуждения. В-третьих, назначается приговором суда. В-четвертых, чаще всего применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления. В-пятых, по своей карательной сущности представляет собой лишение и (или) ограничение осужденного в его имущественных правах.

В. Ф. Цепелев утверждает, что «конфискация является... завуалированной и не очень удачной попыткой реабилитации этой меры в качестве дополнительного наказания, носящего иное название... Принудительный и безвозмездный характер такой конфискации предполагает ее карательный элемент и дает определенные основания отнести конфискацию скорее к наказанию, чем к иным мерам уголовно-правового характера, поскольку она не заменяет, а дополняет основное наказание, хотя и распространяется на ограниченный круг предметов, ценностей и иного имущества»¹⁰.

---

⁷ См., например: Чучаев А. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве // Законность. 2006. № 9. С. 12. См. также: Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 712–713 ; Цепелев В. Ф. Конфискация имущества : новое происшествие // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке. М., 2007. С. 298 ; Анощенкова С. В., Чибулаева С. А. Конфискация имущества как мера уголовного наказания // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности... С. 163–164 ; Шнитенков А. В. Новое в уголовном законодательстве // Уголовный процесс. 2006. № 8. С. 5.

⁸ См.: Каплунов В. Н., Широков В. А. «Новая» конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Рос. следователь. 2008. № 6. С. 22–24 ; Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе (или qui prodest?) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.

⁹ Агильдин В. В. Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-konfiskatsii-imuschestva-kak-preventivnaya-mera-preduprezhdeniya-prestupnosti> (дата обращения: 10.09.2019).

¹⁰ Цепелев В. Ф. Конфискация имущества : новое происшествие // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке... С. 298.

Следовательно, конфискация выполняет те же функции, что и любое наказание, однако ввиду широкого круга субъектов применения конфискации, таковой признать ее нельзя. Кроме того, при конфискации как виде наказания допускалось изъятие любого имущества как законно, так и незаконно нажитого. В настоящее время может изыматься только имущество, прикосновенное к преступлению: либо оно нажитое преступным путем, либо используемое для совершения преступления.

И. Звечаровский утверждает, что, несмотря на «формальную «прописку» в уголовном законе, перед нами не что иное, как специальная конфискация, место которой при существующей системе законодательства в УПК РФ»¹¹. Действительно, на основании ст. 81 УПК РФ конфискация налагается на имущество, которое признано вещественным доказательством по делу. В качестве такого имущества выступают также любые предметы и иное имущество, использованное или полученное в результате совершения преступления. Критики данного законодательного решения справедливо подчеркивали, что так называемая процессуальная конфискация имущества, добытого преступным путем, в качестве вещественного доказательства отнюдь не тождественна по своей сути и объему конфискации уголовному наказанию¹². «Похищенное имущество, деньги и иные ценности могут быть не найдены, а следовательно, они не могут быть названы вещественными доказательствами. При наличии уголовного наказания (конфискации) в целях возмещения причиненного ущерба может быть конфисковано любое эквивалентное по цене имущество... которое не является вещественным доказательством. Оно может быть приобретено до совершения преступления или зарегистрировано на подставных лиц (что у нас широко практикуется) и т. д. По ст. 81 УПК РФ этого сделать нельзя. Нельзя конфисковать средства, направляемые на финансирование террористических актов, так как они не являются вещественными доказательствами, поскольку теракты только планируются... При конфискации как мере уголовного наказания может быть конфискована прибыль, полученная от преступного имущества; преступное имущество, которое было «отмыто» и легально преобразовано в другие виды собственности, и т. д.»¹³.

Группа ученых, рассматривая иные меры уголовно-правового характера (к коим теперь отнесена конфискация), относят их к одной из форм реализации уголовной ответственности¹⁴. Следовательно, конфискация должна применяться к виновным в совершении преступления лицам. Данное положение

¹¹ Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 21.

¹² См.: Бриллиантов А. Новые законодательные подходы к уголовному наказанию // Законность. 2004. № 3. С. 11–12; Желудков М. А. Отмена конфискации имущества и принцип справедливости. Проблемы соотношения // Закон и право. 2004. С. 43; Капинус Н. И., Капинус О. С. Конфискация имущества в уголовном праве современных стран // Закон. 2004. № 6. С. 64; Уголовный закон и интересы страны (обзор материалов научного обсуждения на круглом столе) // Государство и право. 2006. № 1. С. 112.

¹³ Лунеев В. В. Конфискация имущества из УК незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 9–10.

¹⁴ См., например: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. М., 2004. Т. 1: Общая часть. С. 257.

подтверждается указанием в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ на то, что она может быть применена только на основании **приговора**.

Указанное обстоятельство, на первый взгляд, дает основание полагать, что законодатель разрешил, пожалуй, самый главный спор в специальной литературе по поводу круга субъектов, к которым может применяться конфискация – только к осужденному. Однако в ч. 3 ст. 104.1 УК РФ указано, что имущество, полученное в результате совершения преступлений, переданное осужденным *другому лицу* (организации), подлежит также конфискации, если лицо, принявшее имущество, **знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий**. В п. «г» ст. 104.1 УК РФ указано, что конфискации подлежат орудия, оборудование и средства совершения преступления, принадлежащие *обвиняемому*. Следовательно, круг субъектов, к которым может быть применена конфискация, мягко говоря, размыт.

Применительно к аресту на имущество как обеспечительной мере возможной конфискации законодатель также называет неопределенный круг субъектов, на имущество которых может распространяться указанная мера. В соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ ходатайство о наложении ареста на имущество может касаться имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Часть 3 ст. 115 УПК РФ уточняет условия наложения ареста на имущество лиц, несущих материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого: достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Совершенно справедливо в научной литературе акцентируется внимание на неопределенность сформулированного в ч. 3 ст. 115 УПК РФ положения. Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев указывают, что достаточность данных должна увязываться, с одной стороны, с характеристикой подвергаемого аресту имущества, его преступным происхождением, а с другой – с противоправной деятельностью подозреваемого или обвиняемого¹⁵. Другие авторы утверждают, что уголовно-процессуальный закон позволяет ограничивать имущественные права обвиняемого (подозреваемого) независимо от того, на законных основаниях он владеет вещью или нет¹⁶. По мнению Е. В. Межениной, при аресте имущества в целях последующей конфискации должны соблюдаться два условия: 1) наличие достаточных данных о причастности лица к совершению преступления, в результате которого приобретена вещь (право собственности на нее) или денежные средства; 2) наличие достаточных данных об использо-

---

¹⁵ См.: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества // Рос. следователь. 2017. № 18. С. 27–32.

¹⁶ См.: Меженина Е. В. Нравственные основы наложения ареста на имущество в уголовном процессе Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 137.

вании вещи или денежных средств для совершения преступления¹⁷. С подобным пониманием уголовно-процессуального закона сложно согласиться, так как ч. 3 ст. 104.1 УК РФ прямо указывает на преступный характер происхождения имущества. В то же время заслуживает поддержки позиция автора о возможности использования терминологии из сферы гражданского права, где сложилась определенная практика как представления о праве собственности, так и добросовестности приобретения¹⁸. Действительно, имущество, переданное третьему лицу, может быть конфисковано только в том случае, если оно знало или должно было знать о его преступном происхождении. Факт знания происхождения имущества выступает признаком, по которому в гражданском судопроизводстве определяется добросовестность приобретателя. О недобросовестности приобретателя могут свидетельствовать родственные связи между лицами, совершившими сделку, совмещение лицом должностей в организациях – сторонах сделки (участие в их капитале), явно заниженная цена имущества и др.¹⁹ Учитывая, что законодатель в рамках ч. 3 ст. 104.1 УК РФ требует от лица доказать добросовестность приобретения имущества, очевидно, что такой спор должен реализовываться в рамках гражданского судопроизводства. Решение суда о добросовестности приобретения вещи ограничивает право государства на конфискацию имущества, а следовательно, частный интерес получает преимущество перед публичным интересом, о чем Верховный Суд РФ обращает внимание нижестоящих судов на необходимость выяснения вопроса о фактической принадлежности имущества, находящегося у третьих лиц, подозреваемому (обвиняемому)²⁰.

Анализ практики свидетельствует, что суды устанавливают не только фактическую принадлежность имущества подозреваемому или обвиняемому, но и преступность происхождения данного имущества. Так, постановлением Пятигорского городского суда Ставропольского края от 28 ноября 2017 г. удовлетворено ходатайство следователя о наложении ареста на нежилое помещение – гостиницу, принадлежащую на праве собственности ООО «С.», учредителями которого являются близкие родственники К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В ходе рассмотрения ходатайства суд на основании представленных документов установил, что фактически объект недвижимости приобретен К. на доходы от преступной деятельности и в целях сокрытия источников дохода оформлен на третьих лиц, поэтому на это имущество необходимо наложить арест в целях обеспечения возмещения причиненного преступлением ущерба бюджету Российской Федерации, сумма которого согласно предъявленному обвинению составляет 82 млн руб. При

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Там же. С. 139.

¹⁹ Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 ноября 2008 г. № 126 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.

²⁰ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

этом суд, руководствуясь ч. 3 ст. 115 УПК РФ, указал в постановлении срок, на который наложен арест²¹.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в отдельных случаях обвинительный приговор (как обязательный элемент применения конфискации) не выносится, несмотря на установление вины лица, совершившего преступление. Например, виновный может быть освобожден от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Заслуживает поддержки позиция авторов, согласно которой изъятие имущества, полученного в результате совершения преступления, а также орудий совершения преступления, выступая естественным правовым последствием преступления, должно осуществляться лишь по факту установления причинения вреда (извлечения выгоды)²². Однако в качестве вывода авторы предлагают исключить из ч. 1 ст. 104.1 УК РФ указание на то, что конфискация применяется только на основании провозглашенного обвинительного приговора²³, с чем нельзя согласиться. Установление преступности происхождения имущества возможно при разрешении уголовного дела по существу и при признании лица виновным. Указание на обязательность обвинительного приговора для конфискации является необходимым элементом. В то же время вынесение решения об освобождении лица по нереабилитирующим основаниям, т. е. когда факт совершения преступления установлен, а вина лица не оспаривается, не должно препятствовать применению рассматриваемой меры. Для устранения противоречия допустима, на наш взгляд, следующая формулировка: **«конфискация имущества... на основании обвинительного приговора суда либо иного решения суда о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям»**.

Оживленные дискуссии ведутся сегодня вокруг пределов применения конфискации.

Одни авторы критикуют расширительную сферу применения конфискации имущества²⁴, другие – предлагают ввести еще ряд статей Особенной части УК РФ, где возможно применение конфискации²⁵. Анализ перечня составов в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ позволяет констатировать серьезные недостатки в подходе законодателя к определению круга преступлений, где может быть реализована конфискация. Подтверждением данного тезиса является практически ежегодное пополнение перечня составов преступлений, за которые может быть

---

²¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² См.: *Векленко С. В., Карпов К. Н.* Конфискация имущества : противоречия законодательства // Вестник ВИ МВД России. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-protivorechiya-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.09.2019).

²³ Там же. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-protivorechiya-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.09.2019).

²⁴ См.: *Степашин В. М.* Конфискация имущества : новые проблемы // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2007. Т. 10, № 1. С. 127–131.

²⁵ См., например: *Курлаева О. В.* Конфискация имущества как мера государственного принуждения : к постановке проблемы // Человек : преступление и наказание. 2010. Т. 1. С. 45-47.

назначена конфискация. Если на момент принятия норм о конфискации в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ насчитывалось 45 статей, то в настоящее время предусмотрена 81 статья УК РФ. За 9 лет существования конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера в ст. 104.1 УК РФ, как мы уже отмечали, 18 раз вносились изменения, преимущественно нацеленные на увеличение числа составов преступлений, за которые возможно применение рассматриваемой меры.

Конфискация как наказание до ее отмены в 2003 г. устанавливалась *только за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК*. В первоначальной версии законопроекта конфискация как иная мера предусматривалась за любое преступление, что поддерживалось большинством специалистов²⁶. Сегодня ч. 1 ст. 104.1 УК РФ определяет закрытый перечень преступлений, за совершение которых она может быть применена. Более того, позиция законодателя выглядит непоследовательной, когда возможна конфискация за менее тяжкие преступления, предусмотренные одной статьей УК РФ (например, не подлежит конфискации имущество при совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 141, ч. 3 ст. 142 УК РФ). С. В. Векленко, К. Н. Карпов говорят о необходимости исключения исчерпывающего перечня преступлений, что позволит расширить сферу применения данной нормы и более эффективно восстанавливать нарушенные преступлением (экономические) правоотношения²⁷.

Как известно, конфискация имущества была восстановлена в УК РФ в связи с ратификацией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма и принятием Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Однако в перечень преступлений, за которые возможно применение конфискации имущества, не вошли преступления, которые могут иметь террористическую направленность, например хищение либо вымогательство ядерных материалов и радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ).

Оказались «забытыми» многие преступления, бесспорно приводящие к получению денег, ценностей и иного имущества, а также доходов от этого имущества, такие как незаконное предпринимательство (тогда как специальные виды незаконного предпринимательства ст. 104.1 УК РФ предусматривает), незаконная банковская деятельность, легализация имущества, приобретенного преступным путем, незаконное использование товарного знака, незаконный

²⁶ См.: Лунеев В. В. Зачем живу? (Жизненные и криминологические тернии). М., 2006. С. 454; Векленко С. В., Карпов К. Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник ВИ МВД России. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-protivorechiya-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.09.2019).

²⁷ См.: Векленко С. В., Карпов К. Н. Указ. соч. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-protivorechiya-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.09.2019). Аналогичная позиция у В. В. Агильдина (см.: Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-konfiskatsii-imuschestva-kak-preventivnaya-mera-preduprezhdeniya-prestupnosti> (дата обращения: 10.09.2019)).

оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга, незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, незаконная охота, незаконная добыча водных животных и растений и ряд других.

В литературе отмечено, что «не совсем ясно отсутствие возможности конфискации имущества и (что даже важнее) доходов, полученных в результате «изначально» корыстных преступлений против собственности и не ставших ни предметом криминальной легализации, ни имуществом, возвращаемым потерпевшему»²⁸. В обоснование позиции законодателя по данному вопросу в научной литературе высказывалось мнение, что не включение хищений чужого имущества в число деяний, за которые возможно применение конфискации имущества, связано с тем, что предусмотренный Федеральным законом № 153-ФЗ механизм конфискации основывается на том, что имущество, полученное в результате совершения преступления, подлежит возвращению законным владельцам²⁹. Действительно, исходя из определения в ст. 104.1 УК РФ конфискации имущества как принудительного безвозмездного изъятия и обращения в собственность государства на основании обвинительного приговора денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, конфискованное имущество должно обращаться в собственность государства. Однако в той же ст. 104.1 УК РФ есть указание: «за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу». Интересы законного владельца учтены и включение в список ст. 104.1 УК РФ хищений было бы логичным, так как не всегда удается установить законного владельца. В этом случае неясно, как поступать с имуществом, полученным в результате совершения данной категории преступлений³⁰. Более того, и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» также указывает последовательность изъятия имущества – сначала в пользу пострадавших лиц, потом в пользу государства.

Еще менее понятно включение в перечень таких преступных деяний, как, например, предусмотренных только ч. 2 ст. 111 или ч. 2 ст. 126 УК РФ. Буквальное толкование закона позволяет сделать вывод о том, что причинение тяжкого вреда здоровью двух или более лиц, либо группой лиц, в том числе

---

²⁸ Кибальник А. Оценка «антитеррористических» новелл уголовного закона // Уголовное право. 2006. № 5. С. 49.

²⁹ См.: Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2; Михайлов В. И. Конфискация в национальном и международном уголовном и уголовно-процессуальном праве // Законодательство. Право для бизнеса. 2007. № 3. С. 77; Голик Ю. В. К вопросу о системности уголовного закона (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ продолжает рушить системность построения Уголовного кодекса РФ) // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности : сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2006. С. 144–147; Кибальник А. Г., Болатчиева А. А. Конфискация имущества реанимирована : что дальше? // Рос. криминологический взгляд. 2007. № 1 (9). С. 182; Яни П. С. Применение норм о конфискации // Рос. юстиция. 2006. № 12. С. 32; Тюшнякова О. В. Анализ конфискации имущества : история и современность // Вестник ВУиТ. 2010. № 72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-konfiskatsii-imuschestva-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 10.09.2019).

³⁰ См.: Курлаева О. В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения : к постановке проблемы // Человек : преступление и наказание. 2010. Т. 1. С. 45–47.

по предварительному сговору, а равно повлекшее по неосторожности причинение смерти (ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ) при отсутствии квалифицирующих признаков, упомянутых в ч. 2 ст. 111 УК РФ, не может повлечь применения конфискации имущества.

Следует обратить внимание еще на одну проблему: одновременную реализацию штрафа в качестве наказания и конфискации как иной меры уголовно-правового характера. В большей части санкций норм статей, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, штраф предусмотрен в качестве основного (27 раз) либо дополнительного наказания (29 санкций). Более того, такие приговоры вызывают некоторые сомнения на предмет возможности единовременного применения штрафа и конфискации имущества. Фактически в этих случаях уголовно-правовое принуждение *дважды* предполагает изъятие имущества или денежных средств. Неясна последовательность взыскания штрафа и конфискации имущества. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 111 Федерального закона «Об исполнительном производстве» они должны взыскиваться одновременно.

Действовавшее законодательство о конфискации имущества исключало возможность ее применения к несовершеннолетним, а также при условном осуждении. Подобные ограничения отсутствуют в современной редакции уголовного закона. Представляется, что такого рода ситуации должны быть также оговорены непосредственно на уровне Уголовного кодекса.

В научной литературе нет единства в понимании характера рассматриваемой нормы. Носит ли она императивный или диспозитивный характер? Большинство авторов полагают, что ст. 104.1 УК РФ применяется по усмотрению суда³¹. Данное утверждение подтверждается и практикой. Однако, по мнению Б. В. Волженкина, применение конфискации является обязательным. «Закон (п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК) устанавливает обязанность доказывания обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК, получено в результате совершения преступления или является доходом от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Если данные обстоятельства доказаны, конфискация обязательна, хотя бы в силу ч. 3 ст. 81 УПК»³². Аналогичную позицию занимают и молодые ученые. В настоящее время законодатель предусматривает конфискацию как **обязательную** меру уголовно-правового характера применительно к определенным ситуациям, перечисленным в ст. 104.1 УК РФ³³. Данный вопрос имеет принципиально важное

³¹ См.: Рагулин А. Проблемы применения конфискации имущества в уголовном праве // Уголовное право. 2007. № 1. С. 54; Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 55; Лужбин А. В., Волков К. А. Конфискация имущества – «новая» мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Рос. юстиция. 2006. № 9. С. 34.

³² Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2.

³³ См.: Агильдин В. В. Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-konfiskatsii-imuschestva-kak-preventivnaya-mera-preduprezhdeniya-prestupnosti> (дата обращения: 10.09.2019).

значение. Так, в большинстве приговоров по взяточничеству имеет место так называемая процессуальная конфискация со ссылкой на ст. 104.1 УК РФ, что, на первый взгляд, дает основание утверждать о практической целесообразности рассматриваемой меры. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается совершенно другой результат: в случае получения взятки под негласным контролем сотрудников правоохранительных органов сумма взятки действительно конфискуется, если же коррупционное преступление было выявлено не в момент передачи имущества, вопрос о применении конфискации на стадии судебного разбирательства даже не ставится. Фактическое изъятие средств, нажитых преступным путем, реализуется посредством назначения кратного штрафа.

Остаются непонятными также иные правовые последствия применения конфискации (не являясь наказанием, она не должна влечь судимости), а также уклонения от ее исполнения.

Итак, отметим следующее:

– уголовный закон предусмотрел в ст. 104.1 УК РФ различные по своей правовой природе виды конфискации – конфискация, имеющая уголовно-правовой характер, и процессуальная конфискация;

– перечень преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, нуждается в корректировке;

– институт конфискации – комплексное межотраслевое образование восстановительного характера, включающее в себя нормы гражданского уголовного, уголовно- и гражданско-процессуального права.

В значительной степени конфискация имущества в современном виде – это средство борьбы с неосновательным обогащением, предназначенное лишить преступника экономических выгод, полученных в результате совершения преступления.

Юго-Западный государственный университет

Шевелева С. В., доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета, профессор кафедры уголовного права

South-West State University

Sheveleva S. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Professor of the Criminal Law Department
E-mail: decan46@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ
В АСПЕКТЕ НРАВСТВЕННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЯ СОТРУДНИКОВ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ)**

На основании результатов изучения мнения сотрудников исправительных учреждений рассматриваются проблемы социальной реабилитации осужденных в аспекте нравственности и справедливости уголовного наказания. Предложены варианты, которые могут решить выявленные проблемы, возникающие при освобождении осужденных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нравственность, уголовное наказание, осужденные, социальная реабилитация.

**SOCIAL REHABILITATION OF CONVICTS IN THE ASPECT OF
MORALITY AND JUSTICE OF CRIMINAL PUNISHMENT
(BASED ON THE RESULTS OF THE STUDY OF THE
OPINION OF CORRECTIONAL OFFICERS)**

The article considers the problems of social rehabilitation of convicts in the aspect of morality and justice of criminal punishment on the basis of the results of studying the opinions of correctional officers. On the basis of the identified problems, options are proposed that can solve the problems arising during the release of convicts.

K e y w o r d s: the morality of criminal punishment, prisoners, and social rehabilitation.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Проблема реализации и эффективности применения уголовного наказания является фундаментальной проблемой уголовного и уголовно-исполнительного права. Реализацию уголовного наказания, чаще всего связывают с социальными, экономическими, политико-правовыми вопросами, необходимостью реформирования уголовного судопроизводства и системы исполнения уголовных наказаний. Эффективность уголовного наказания традиционно рассматривается в аспекте достижения целей, которые стоят перед ним. Изучению именно этих вопросов в большинстве своем и посвящены научные исследования уголовного наказания.

Однако следует признать, что вопросы уголовного наказания более широки и многогранны. Кроме юридических аспектов уголовное наказание во всех его проявлениях должно рассматриваться и с позиции нравственности. Назначение и исполнение уголовного наказания основывается на глубоких нравственных и гуманистических началах. «Поэтому нравственные начала наказания требуют осознанной его необходимости»¹.

¹ Рагимов И. М. О нравственности наказания / предисл. Х. Д. Аликперова. М., 2016. С. 96.

© Степанов В. В., 2019

О нравственности и справедливости уголовного наказания следует говорить не только с точки зрения его соответствия характеру и степени общественной опасности преступления, за совершение которого оно назначено, но и с точки зрения его воздействия на самого осужденного.

Здесь уместно вспомнить мнение Н. С. Таганцева о том, что государство не может забыть, что человек, совершивший преступление, остается членом общества, не перестает быть связанным с обществом, и что он вернется в него после отбытия наказания, и обществу не безразлично, каким будет этот человек².

Теории исправления, отмечал И. Я. Фойницкий, сблизили в области наказания интерес общественный с личным, показав, что наказание приносит обществу пользу всего надежнее путем доставления пользы самому наказываемому, воспитывая его в духе осознания своих социальных обязанностей и возлагая на общество обязанность доставления ему возможности честной жизни по отбытии наказания³.

Следовательно, вопросы социальной реабилитации, безусловно, являются одним из элементов нравственных основ уголовного наказания. Насколько нравственно и справедливо оставлять человека, совершившего преступление, но отбывшего наказание и таким образом искупившего свою вину, без помощи и участия государства и общества.

Социальная реабилитация прямо влияет на эффективность уголовного наказания. «Необходимость нравственной и материальной поддержки для отбывших тюремное заключение вполне очевидно пользуется общим признанием. Рационально организованная тюрьма стремится, возможно, поднять нравственный уровень заключенного... Эта цель в большинстве случаев не могла бы быть достигнута, если бы по выходу из тюрьмы преступники предоставлялись исключительно своим силам и не находили бы себе никакой нравственной и материальной поддержки»⁴. Поэтому «необходима организация особенной деятельности, имеющей целью протянуть руку помощи бывшим тюремным сидельцам в трудные для них минуты»⁵.

Вместе с тем возвращение осужденных к нормальной жизни, их ресоциализация в современной России сопряжены с разрешением целого ряда не только субъективных проблем, но и социально-экономических⁶.

Ограниченные рамки статьи изложим лишь некоторые результаты проведенного исследования.

На первом этапе нами было опрошено **103** сотрудника исправительных учреждений.

Опрос сотрудников исправительных учреждений проводился с помощью формализованной анкеты с целью выяснения профессионального мнения от-

---

² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. Тула, 2001. Т. 2. С. 121.

³ См.: Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. Тула, 2001. С. 61.

⁴ Познышев С. В. Учение о карательных мерах и наказании : курс, составленный по лекциям. М., 2016. С. 132.

⁵ Пионтковский А. А. Тюремноведение, его предмет, содержание, задачи и значение // Избранные труды. Казань, 2004. Т. I. С. 28.

⁶ См.: Социальная работа в пенитенциарных учреждениях : учеб. пособие / под ред. А. Н. Сухова. М., 2008. С. 11–12.

носителем проблем социальной реабилитации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы.

По **видам исправительных учреждений** число опрошенных распределилось следующим образом, колония-поселение – **19 человек (18,4 %)**; исправительная колония общего режима – **23 (22,3 %)**; исправительная колония строгого режима – **44 (42,7 %)**; исправительная колония особого режима – **17 человек (16,5 %)**. Таким образом, в опросе приняли участие респонденты, представляющие основные виды режимов исправительных учреждений.

По **направлению деятельности респонденты** распределились следующим образом: **воспитательная – 47 человек (45,6 %)**; **безопасность – 27 (26,2 %)**; **оперативно-режимная – 18 (17,5 %)**; **организация труда – 5 (4,9 %)**; **социальная реабилитация – 3 (2,9 %)**; **психологическая – 3 человека (2,9 %)**. Таким образом, в опросе приняли участие респонденты, непосредственно связанные с работой с осужденными и представляющие основные направления деятельности исправительных учреждений.

Подготовка к освобождению из исправительных колоний (тюрем) **входит в круг профессиональных обязанностей 53 опрошенных (51,5 %)**; **указанная деятельность не входит в круг профессиональных обязанностей у 36 (35,0 %)**; **ранее такой деятельностью занимались 14 человек (13,6 %)**. Таким образом, с учетом сотрудников, ранее занимавшихся подготовкой осужденных к освобождению из исправительных колоний, общее число респондентов, непосредственно знающих проблемы социальной реабилитации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, составляет **67 человек (65 %)**.

В качестве общего сотрудникам был задан вопрос *«верите ли Вы в то, что осужденного в исправительных колониях (тюрьмах) России можно исправить?»*

При ответе на вопрос, какие социальные ценности могут удержать лицо, освобожденное из исправительной колонии, от совершения повторного преступления, в качестве приоритета были названы семья – **82 человека (79,6 %)** от числа опрошенных, работа – **36 (35,0 %)**; материальные средства (имущество, деньги) – **34 (33,0 %)**, наличие жилья – **34 (33,0 %)**, в качестве социальных ценностей, которые могут удержать лицо, освобожденное из исправительной колонии, от совершения повторного преступления, были также названы: наличие образования – **20 респондентов (19,4 %)**; назвали дружеские связи – **19 (18,4 %)**; хобби – **4 (3,9 %)** респондента.

Анализ ответов, данных респондентами, позволил сделать вывод о том, что *проблему восстановления семейных отношений* в первую очередь должен решать сам осужденный, так считают **71 опрошенный (68,9 %)**; **49 человек (47,6 %)** считают, что данную проблему должны решать родственники осужденного; по мнению **29 человек (28,2 %)**, восстановлением семейных отношений должны заниматься иные государственные и муниципальные органы; **14 опрошенных (13,6 %)** считают, что данную работу должны осуществлять исправительные колонии (тюрьмы). Кроме того, в числе субъектов, которые должны принимать участие в восстановлении семейных отношений были названы: правозащитные организации – **8 человек (7,8 %)**; общественные орга-

низации – **6 (5,8 %)**; благотворительные фонды – **5 (4,9 %)**, религиозные конфессии – **4 человека (3,9 %)**.

По мнению **14** респондентов (**13,6 %**), проблему восстановления семейных отношений лиц, освобожденных из мест лишения свободы, должны решать все вместе.

В качестве трудностей в решении проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем), сотрудники исправительных учреждений назвали: *сами осужденные не проявляют стремления к правопослушному образу жизни* – **60** опрошенных (**58,3 %**); *наличие бюрократизма и равнодушия к людям* – **33 (32,0 %)**; *нет экономических стимулов для участия в социальной реабилитации* – **31 (30,1 %)**; *в общественном сознании нет понимания важности этой работы* – **26 (25,2 %)**; *отсутствует политическая воля в решении этой проблемы* – **19** опрошенных (**18,4 %**).

Затруднились ответить на заданный вопрос **8** человек (**7,8 %**).

По мнению сотрудников, для активизации работы по социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем), следует принять следующие меры, которые можно условно разделить на две группы.

Первая группа связана с деятельностью государственных органов.

К ним относятся:

– принятие отдельной государственной программы по социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем), так считают **44** человека (**42,7 %**);

– включение этого направления в число приоритетных национальных проектов России – **22** человека (**21,4 %**);

– создание дополнительных стимулов для субъектов, оказывающих содействие в социальной реабилитации – **31** человек (**30,1 %**).

Названные сотрудниками приоритетные направления для активизации работы по социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем), согласуются с позицией респондентов о значении деятельности иных органов государства в решении проблем социальной реабилитации, а также отсутствия политической воли в решении этой проблемы и экономических стимулов для участия в социальной реабилитации.

Вторая группа связана с расширением участия населения, общественных организаций и бизнес-структур в деятельности по социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем):

– реализация идеи об общественно-государственном партнерстве в сфере социальной реабилитации – **12** опрошенных (**11,7 %**);

– активное подключение бизнес-структур к этой работе – **11** человек (**10,7 %**).

При анализе ответов на данный вопрос обращает на себя внимание сохранение тенденции, отмеченной ранее и связанной с низкой оценкой деятельности религиозных конфессий в вопросах социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем) – **6** человек (**5,8 %**).

Таким образом, анализ ответов, данных респондентами, позволяет сделать вывод о сохранении тенденции о приоритетной роли самих осужденных и их родственников, общественных и правозащитных организаций, иных госу-

дарственных и муниципальных органов в решении проблем социальной реабилитации.

При анализе ответов на данный вопрос обращает на себя внимание тенденция, связанная с низкой оценкой деятельности религиозных конфессий в вопросах социальной реабилитации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем).

Такая оценка деятельности религиозных конфессий в данной сфере со стороны профессионального сообщества может свидетельствовать либо об отсутствии такой работы со стороны религиозных конфессий, либо о ее неэффективности.

Поддерживая позицию сотрудников исправительных учреждений, считаем необходимым разработку государственной программы, направленной на организацию деятельности по социальной реабилитации освобожденных из исправительных учреждений. В рамках реализации названной программы необходимо разработать и принять федеральный закон об основах социальной реабилитации освобожденных из исправительных учреждений.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Степанов В. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Stepanov V. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Law and Criminology Department
E-mail: sudvl@mail.ru

ПАТРИАРХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ: К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР, ПРОФЕССОРА МИХАИЛА СОЛОМОНОВИЧА СТРОГОВИЧА*

В 2019 г. юридическая общественность отмечает 125-летие со дня рождения выдающегося Ученого, корифея отечественной юриспруденции Михаила Соломоновича Строговича. В замечательной книге «Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий»¹ В. М. Строгович пишет: «Строгович Михаил Соломонович (30 сентября 1894 г. – 13 февраля 1994 г.) – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, академик Польской Академии наук, почетный доктор Краковского Ягеллонского университета. Родился в г. Санкт-Петербурге.

В 1913 г. окончил с серебряной медалью 2-ю Московскую гимназию. Затем учился в Московском коммерческом институте и уже при советской власти окончил Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

В 1936 г. – кандидат юридических наук. 19 ноября 1938 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности».

М. С. Строгович возглавлял сектор судебного права в Институте права АН СССР. Затем был призван в армию и направлен в Военно-юридическую академию в звании полковника юстиции. В 1952 г. вернулся в Институт государства и права и трудился в нем до конца своих дней, возглавляя сектор проблем правосудия. Здесь написаны его основные работы – около 300 публикаций, включая 20 крупных монографий и учебник «Логика», а также: «Материальная истина и судебные доказательства» (М., 1955); «Проверка законности и обоснованности судебных приговоров» (М., 1956); двухтомный «Курс советского уголовного процесса» (М., 1958, 1968, 1970); монография «Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности» (М., 1984).

М. С. Строгович многие годы читал лекции в Академии общественных наук, Институте Прокуратуры СССР, Правовой академии, Московском юридическом институте, Московском университете, Высшей школе МВД СССР. Под его пред-

* Документы из научного архива профессора Л. Д. Кокорева публикуются с согласия его наследников. Материал был опубликован в книге «Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность» / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 245–248.

¹ Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий / под ред. В. М. Сырых. М. : РАП, 2006. С. 415–416.

седательством работала комиссия, подготовившая Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г.

Из 20 лет практической деятельности 15 отданы им прокуратуре, где он прошел путь от должности помощника прокурора Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР до прокурора уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР, Прокуратуры Союза ССР.

При всем многообразии деятельности М. С. Строговича основная для него – научная деятельность, главным образом по вопросам уголовного судопроизводства и судоустройства. Его творчество – целый этап в развитии отечественного правосудия, теории права и особенно уголовного судопроизводства.

Им издан ряд учебников по уголовному процессу. Его работы были посвящены таким актуальнейшим вопросам теории и практики, как природа уголовного процесса, положение личности в уголовном судопроизводстве, презумпция невиновности, право обвиняемого на защиту, состязательность.

Значительное место в произведениях М. С. Строговича занимали вопросы теории доказательств. Не случайно в трехтомном (посмертном) издании его избранных трудов один том посвящен теории судебных доказательств (1991) и специальный том – гарантиям прав личности в уголовном судопроизводстве (1992). М. С. Строгович никогда не замыкался в рамках одной темы, одного направления и даже одной отрасли науки. О широте кругозора и сфере научных интересов свидетельствуют подготовка им крупных работ (помимо уголовного процесса – основной области интересов) в самых различных отраслях науки: первый учебник по теории государства и права (1940, в соавт. с С. А. Голунским); учебник логики для юридических вузов (1946); популярная работа о суде над убийцей Ж. Жореса (1971); монография по судебной этике (1974) и другие; а также его статьи по проблемам психологии, философии, демократии и законности, методологии и методике юридических исследований.

Несомненная заслуга М. С. Строговича в том, что он сформулировал и теоретически обосновал принципиальное положение: укрепление законности, повышение ее роли – объективная закономерность развития Советского государства и права. Он всесторонне исследовал связь законности с состоянием законодательства, убедительно показал недопустимость противопоставления законности и целесообразности, «духа» закона его «букве».

В трудах М. С. Строговича впервые была поставлена и решена с позиции марксистско-ленинской теории познания краеугольная проблема уголовного процесса – вопрос о характере истины, устанавливаемой судом. «Не предположение, не вероятность, а только достоверное знание, имеющее характер достоверной истины в отношении выясняемых фактов, может служить основой для принятия решения по делу – таково, – писал он, – главное требование, определяющее всю деятельность органов расследования, прокуратуры и суда».

М. С. Строговича с полным основанием можно назвать патриархом юриспруденции, по книгам которого учились и продолжают постигать теорию правосудия все, кто причастен к юридическому образованию, правотворчеству, правоприменению, научной юридической деятельности.

Был награжден 2 орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, многими медалями».

***

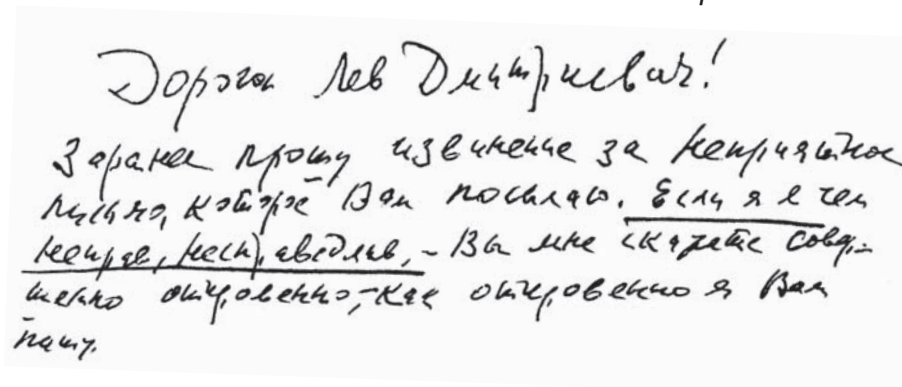
С именем М. С. Строговича связано развитие уголовно-процессуальной науки и в Воронежском государственном университете. Так, в 1965 г. М. С. Строгович выступал в Воронеже первым оппонентом на защите кандидатской диссертации Г. Ф. Горского «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования». Приезд в Воронеж столь авторитетного Ученого свидетельствует об уважительном отношении к формирующейся Воронежской школе уголовного процесса.

Вместе с тем о внимании к воронежским процессуалистам говорит еще один примечательный факт – обмен письмами М. С. Строговича и Л. Д. Кокорева, связанный с подготовкой последнего в соавторстве с профессором Н. С. Алексеевым и доцентом В. Г. Даевым монографии «Очерк развития науки советского уголовного процесса»². Эти события демонстрируют лучшие качества ученых, беспредельно преданных науке: принципиальность в отстаивании собственных взглядов, уважительное и лояльное отношение к научным оппонентам, умение вести дискуссию на основе тщательно проработанных аргументов. Эта переписка – образец отношений по-настоящему интеллигентных людей, отношений, в которых, с одной стороны, Учитель с большой буквы, а с другой – ученик. Но ученик – достойный.

Обращают на себя внимание удивительные язык и стиль изложения текста писем. Поражает, насколько внимательно и даже заботливо их авторы относятся друг к другу, как переживают по поводу возникшей ситуации. Дай Бог, чтобы каждый ученый, хоть в какой-то степени, был похож на них.

Письмо М. С. Строговича Л. Д. Кокореву

21 марта 1980 года³

Дорогой Лев Дмитриевич!
Заранее прошу извинение за кривляшки письма, которые Вам послала. Если я в чем-то не прав, пожалуйста, - Вы мне скажете со всей ясностью, как об этом я Вам пишу.

Я убежден, что Вы допустили большую ошибку <...> Ведь работа по истории науки уголовного процесса, охватывающая период только с издания Основ уголовного судопроизводства 1958 г., была написана на Ленинградском юрфаке Н. С. Алексеевым и В. Г. Даевым⁴ для Института государства и права АН СССР и

² См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. 251 с.

³ Рукопись книги «Очерк развития науки советского уголовного процесса» была сдана в набор 4 сентября 1980 г., а подписана в печать 8 декабря 1980 г.

⁴ Николай Сергеевич Алексеев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, и Владислав Григорьевич Даев, кандидат юридических наук, доцент (в последую-

представлена туда. Там она не прошла. Не прошла она и на юрфаке ЛГУ. И вот авторы ее пристроили на юрфак Воронежского университета, включив в число авторов Вас и поместив Ваше имя между Алексеевым и Даевым.

Та работа, рукопись которой обсуждалась у нас на секторе и которую я читал, была никуда не годна: низкий теоретический и культурный уровень, путаница, неприемлемость ряда положений и т. д. Может быть, сейчас работа стала лучше благодаря Вашему участию? Если это так – это меняет дело. Но я очень сомневаюсь, т.к. ее основа была неудовлетворительной и вряд ли Вы один могли ее изменить.

А потом – что это за история науки с Основ 25 декабря 1958 г.? Ведь речь идет о действующем сейчас уголовно-процессуальном законодательстве, которое подлежит пересмотру в свете Конституции СССР 1977 г. и принятых на ее основе законов о Верховном Суде СССР, о прокуратуре и адвокатуре. Так что задача состоит в том, чтобы разработать вопросы, подлежащие разрешению в подготавливаемом законодательстве.

По мысли авторов, развитие науки уголовного процесса за время с установления советской власти до принятия Основ 1958 г. рассмотрено в известном труде покойного Н. Н. Полянского⁵, опубликованном в 1960 г., так что их работа является как бы продолжением работы Н. Н. Полянского. Эта последняя работа действительно представляет большую ценность. Но она написана давно – больше 20 лет тому назад, за это время многое изменилось в состоянии уголовно-процессуальной науки по вопросам ее истории. А затем вряд ли Алексеев и Даев вправе написанное ими обосновывать преемственностью с работой Н. Н. Полянского – уж очень большая разница в уровнях исследования, не говоря о прочем.

Лев Дмитриевич, поверьте, что я Вам зла не желаю и никакого вреда не причиню. Но зачем Вам нужно было ввязаться в это дело? У Вас хорошее научное имя.

Очень боюсь, что выход в свет в Воронеже этой работы не послужит к украшению ни Вас лично, ни Вашего факультета.

Пишу это только Вам лично, мне это тяжело, но не поставит Вас в известность о том, что я думаю по данному вопросу, я не могу.

21 4/16
1980.

Желаю Вам всего лучшего.

Ответ Л. Д. Кокорева на письмо М. С. Строговича⁶

Дорогой Михаил Соломонович!

Получил Ваше письмо, оно действительно меня огорчило. Когда работу объявляют скверной, даже не посмотрев на нее, или заранее сомневаются в том, что авторы могут написать неплохую книгу, это не может не вызвать чувства досады.

_____ щем доктор юридических наук, профессор) – известные ученые-процессуалисты, работали на кафедре уголовного процесса и криминалистики Ленинградского государственного университета.

⁵ Николай Николаевич Полянский – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, видный ученый-процессуалист, автор широко известной книги «Очерк развития советской науки уголовного процесса» (М., 1960).

⁶ Письмо не датировано.

Вам не понравилась рукопись книги, которую Вы читали давно, с тех пор, вероятно, прошло два года. Почему Вы так уверены в нашей неспособности за это время довести рукопись до удовлетворительного состояния? Меня огорчило Ваше предубеждение.

Мне тоже не очень понравился первый вариант рукописи: многие нужные вопросы в ней не рассматривались совсем или слишком кратко, ряд вопросов подавался односторонне, в частности, состязательность, презумпция невиновности только критиковались и т.д. С В. Г. Даевым и Н. С. Алексеевым у меня есть принципиальные разногласия по некоторым проблемам процесса, что зафиксировано в наших публикациях. Но все это не помешало мне принять их предложение вместе завершить работу над книгой.

Мы полностью изменили структуру книги. Появились новые параграфы: о процессуальных правоотношениях, о функциях, о гарантиях, о процессуальной ответственности, об эффективности процесса, о нравственных началах и др. Мы договорились как можно объективнее приводить различные суждения по тем или иным дискуссионным проблемам. Совсем иначе сейчас изложены такие актуальные проблемы процесса, как состязательность, презумпция невиновности и др.

Вы полагаете, что историю процесса нельзя писать с 1958 года. Почему? Разве исторические работы не могут охватывать тот или иной период развития государства и права?

Все, что я писал, я прежде всего писал для своих студентов. С этой целью была написана «Судебная этика»⁷. До сих пор ребята пользуются как учебным пособием только этой книгой. Ваши «Проблемы судебной этики»⁸ дошли до нас в небольшом количестве.

Для студентов была написана и книга «Проблемы доказательств в советском уголовном процессе»⁹, так как и по этой проблеме у нас нет в достаточном количестве доступного для студентов учебного пособия. Соавтором этой работы мы с Г. Ф. Горским¹⁰ пригласили П. С. Элькин¹¹, с которой, кстати, у нас тоже были принципиальные разногласия по ряду вопросов: о сущности доказательств, о содержании истины в уголовном процессе и т.д., однако это не помешало нам написать книгу, которая на конкурсе научных работ получила диплом I степени.

Студентам нужна книга по истории процесса. А ее никто не пишет. Я давно подумывал взяться за нее, а ленинградцы ускорили решение этого

---

⁷ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика : некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. 271 с.

⁸ См.: Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М. : Наука, 1974. 272 с.

⁹ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1978. 303 с.

¹⁰ Геннадий Федорович Горский – доктор юридических наук, профессор, известный специалист в области уголовного процесса и криминалистики, работал на кафедре уголовного процесса и криминалистики Воронежского государственного университета.

¹¹ Полина Соломоновна Элькин – доктор юридических наук, профессор, видный ученый-процессуалист, работала на кафедре уголовного процесса и криминалистики Ленинградского государственного университета.

вопроса. Последний вариант рукописи истории процесса меня удовлетворяет; конечно, можно было бы и его улучшить, но когда-то нужно ставить точку. И мне кажется, эта работа ничем не хуже моих предшествующих работ. Я благодарен Вам за слова, что у меня «хорошее научное имя». Зная содержание рукописи истории, я надеюсь, что ее публикация не очень испортит мою репутацию и тем более нашего факультета.

Когда мы в Воронеже опубликовали «Этику», знаю, что некоторые москвичи косо на нас смотрели и даже слегка кусали в рецензиях. То же самое было и после опубликования «Проблем доказательств». Но мы спокойно делали свое дело, уверенные в том, что оно нужно в нашей работе со студентами.

Возможно, и даже обязательно, наша книга по истории процесса вызовет критику. Если она будет справедливой, отнесемся к ней с пониманием. Если же она будет возрождать годы недружелюбных, личных отношений в процессуальной науке, от нее отвернемся не только мы. Не те сейчас времена.

А с Ленинградским факультетом меня связывают хорошие деловые отношения. Между нашими факультетами существует договор о творческом сотрудничестве. Мы готовили совместные работы, обменивались лекторами, ЛГУ помогает нам готовить научные кадры. В ЛГУ многие наши профессора защитили свои докторские диссертации, в том числе и я. Наше творческое сотрудничество одобрено Минвузом РСФСР. Вы, вероятно, читали об этом статью начальника Главка Серафимова. В порядке реализации договора о творческом сотрудничестве нами вместе с П. С. Элькинд была написана книга «Проблемы доказательств», выпущен сборник «Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы»¹² (в нем есть и Ваша статья), в порядке реализации того же договора мы готовим сейчас с Н. С. Алексеевым и В. Г. Даевым новую книгу. Вы не правы, утверждая, что они «пристроили» книгу к нам.

Дорогой Михаил Соломонович, если Вас действительно беспокоит только содержание книги, то, как мне кажется, Вы напрасно беспокоитесь.

Я воспитан на Ваших книгах, Ваших идеях, они стали моим убеждением (я имею в виду принципиальные положения уголовного процесса, что, разумеется, не исключает различного у нас решения некоторых частных вопросов). В этом духе я уже много лет воспитываю молодежь... Я не могу поступиться этими принципами в любом соавторстве, но я и за широкое сотрудничество в науке, если оно плодотворно. <...>

Извините меня за длинное письмо. Я его печатаю, чтобы легче было Вам читать. Надеюсь, что эти два письма не испортят наших добрых отношений. В себе я уверен, в моем формировании юриста и ученого Вы сыграли первостепенную роль.

Всегда Ваш Л. Кокорев.

---

¹² См.: Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы / науч. ред. Л. Д. Кокорев. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979. 176 с.

Среди удостоенных высокой чести стать соавтором прекрасной книги «Опередивший время: к столетию со дня рождения М. С. Строговича» (М., 1994), изданной в знак непроходящего уважения к светлой памяти выдающегося ученого, был и Л. Д. Кокорев. Название его статьи «Сквозь призму нравственности» более чем примечательно. В том же 1994 г. по инициативе Л. Д. Кокорева на юридическом факультете Воронежского государственного университета состоялась научная конференция, посвященная творчеству М. С. Строговича, результатом которой стал выход в свет сборника «Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М. С. Строговича / отв. ред. Л. Д. Кокорев» (Воронеж, 1995. 96 с.).

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА Г. В. МАЛЬЦЕВА НА НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА

Статья подготовлена в связи с 10-летним юбилеем со дня выхода в свет в 2008 г. монографии профессора Геннадия Васильевича Мальцева «Нравственные основания права».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Г. В. Мальцев, нравственные основания права, юридическое образование, юридическая деятельность.

THE SCIENTIFIC VIEW OF PROFESSOR G. V. MALTSEV ON MORAL GROUNDS OF LAW

The article was prepared in connection with the 10th anniversary of the publication in 2008 of the monograph by Professor Gennady Vasilyevich Maltsev «Moral Foundations of Law».

К e y w o r d s: G. V. Maltsev, moral foundations of law, legal education, legal activity.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

В 2008 г. вышла в свет монография Геннадия Васильевича Мальцева¹ «Нравственные основания права» (М. : Изд-во СГУ. 552 с.). Учение Г. В. Мальцева о нравственных основаниях права носит междисциплинарный характер. Глубокие мысли ученого значимы не только для правовой науки, но и для всего знания о праве в целом.

На страницах книги Г. В. Мальцев обращается к трудам мыслителей самых разных философских и научных школ. В монографии темой нравственности сплетены воедино многие сферы общественных отношений, правовое регулирование которых волнует современное общество: взаимопомощь и социальное обеспечение, благотворительность, равноправие полов и феминизм, юридическая ответственность, средства массовой информации, предпринимательство, собственность и т. д.

В свете нравственных оснований ученый анализирует использование и защиту таких прав человека, как право на жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, право на управление делами государства, право на публичные мероприятия, право на участие в культурной жизни, свобода вероисповедания, свобода творчества и др.

Положения научного труда Г. В. Мальцева о нравственных основах права надо шире включать в преподавание правовых дисциплин по направлению

¹ Мальцев Геннадий Васильевич (1935, Краснодарский край – 2013, Москва) – советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук (1979), профессор (1981), член-корреспондент РАН (2010). См. профиль Геннадия Васильевича Мальцева на сайте Российской академии наук. URL: http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-49258.In-ru.dl-pr-inf.uk-12 (дата обращения: 01.09.2019).

подготовки «Юриспруденция» и по другим направлениям, где присутствует изучение соответствующих правовых явлений. Авторская точка зрения Г. В. Мальцева по многим проблемам не укладывается в мейнстрим в юридическом образовании.

1. Примечательна позиция Г. В. Мальцева о том, что *право представляет собой нравственный социальный феномен*: «всякую юридическую проблему можно так или иначе интерпретировать как проблему нравственную в терминах и понятиях этики»². «Право относится к нравственности, принадлежит к миру нравственных явлений и лишь учетом ценностей и задач этой сферы можно установить его самостоятельность и специфику».

Г. В. Мальцев критикует «схему, которая часто встречается в отечественной литературе» о том, что «мораль относится к самому древнейшему способу регуляции человеческого поведения, она возникает раньше права, тогда как последнее представляет собой нечто вроде отпочкования от морали, появившееся после образования государства». Ученый отстаивает гипотезу об *историческом единстве происхождения религии, морали и права* в результате дифференцирования синкретичной соционормативной сферы первобытности на отдельные виды нормативно-регулятивных систем³.

В монографии обосновано родство морали и права, слаженность их действия. Ученый не разделяет юридико-позитивистскую идею о приоритете права над моралью. «*Подлинные цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии моральных и правовых норм* в едином направлении, которое определяется ценностями общества»⁴.

Одна из известных установок, согласно которой право есть внешний регулятор, а мораль – внутренний, подвергнута критике на том основании, что право, регулируя деятельность людей, «воздействует на психические переживания человека, вызывает определенные мотивации в сознании индивида»⁵.

2. Г. В. Мальцев выражает сомнение в первичности принудительной функции права. «*Подавляющее большинство юридических норм изначально или эвентуально (косвенно) не ориентированы на возможность принуждения*, они несут в себе организационно-упорядочивающий смысл»⁶.

Основываясь на таком подходе, может быть расширено содержание одного из известных признаков права: право обеспечено не только принудительной силой государства, но и силой его убеждения. Люди все больше заинтересованы в том, чтобы государство не просто информировало их или изучало и учитывало общественное мнение, а общалось с ними, объясняло свою политику. Есть потребность в создании новых и развитии уже известных практик «обратной связи» между государством и обществом.

---

² Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 45–46.

³ См.: Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 131–132.

Акцент не только на принудительном, но и на убедительном характере обеспеченности права государством задает новую функцию правовой науки – диалоговую: познавательная ситуация в правовой науке характеризуется большим разнообразием мнений, не согласующихся и даже взаимоисключающих подходов. В диалоге происходит осуществление гражданами непосредственного народовластия и общественного контроля, использование и защита многих конституционных прав, реализация полномочий органов публичной власти. Особое значение придается диалогу в преподавании правовых дисциплин. Умение вести диалог (или точнее, способность к коммуникации) включено в содержание профессиональной компетентности юристов.

3. Одна из отличительных черт авторского стиля Г. В. Мальцева заключается в приверженности культурологическому подходу в научной методологии, который состоит в применении методов исследования культуры для познания правовых явлений.

Следует отметить, что отечественная наука права сравнительно недавно стала активно обращаться к культурологическому подходу, что объяснимо наследием советского периода развития науки, когда ее методологическая составляющая была обусловлена позитивистским вариантом понимания теории марксизма. Долгое время господствовало представление о научной рациональности как не предполагающей применение приемов исследования культуры. Одним из результатов стала недооценка культурологического подхода в правовых исследованиях, которая вступает в противоречие с современной установкой на плюралистичность познания права. В данный момент единообразие в вопросе о методах культурологического подхода не достигнуто, вследствие чего конкретное наполнение культурологического подхода осуществляется правоведами с опорой на собственное мировоззрение.

По мысли Г. В. Мальцева, «отношение к ценностям меняется в зависимости от смены культурных эпох», а «теория социокультурных типов П. А. Сорокина дает ключ к разрешению наиболее сложных проблем, связанных с изучением ценностного единства морали права»⁷.

Таким образом, будущее в изучении нормативно-регулятивных систем Г. В. Мальцев видел следующим образом:

применение научно-интегративного подхода, взаимодействие ценностного, нормативного, телеологического знания; координация этических и теоретико-правовых исследований⁸;

«необходимость выделения наряду с теорией права, либо в границах ее, самостоятельной философии права, предполагаемая проблематика которой вращается вокруг идеи философских решений, выходящей за рамки одного только права и присущих в той ли иной мере другим явлениям нравственности»⁹;

⁷ Там же. С. 116–117.

⁸ См.: Там же. С. 183.

⁹ Там же. С. 197.

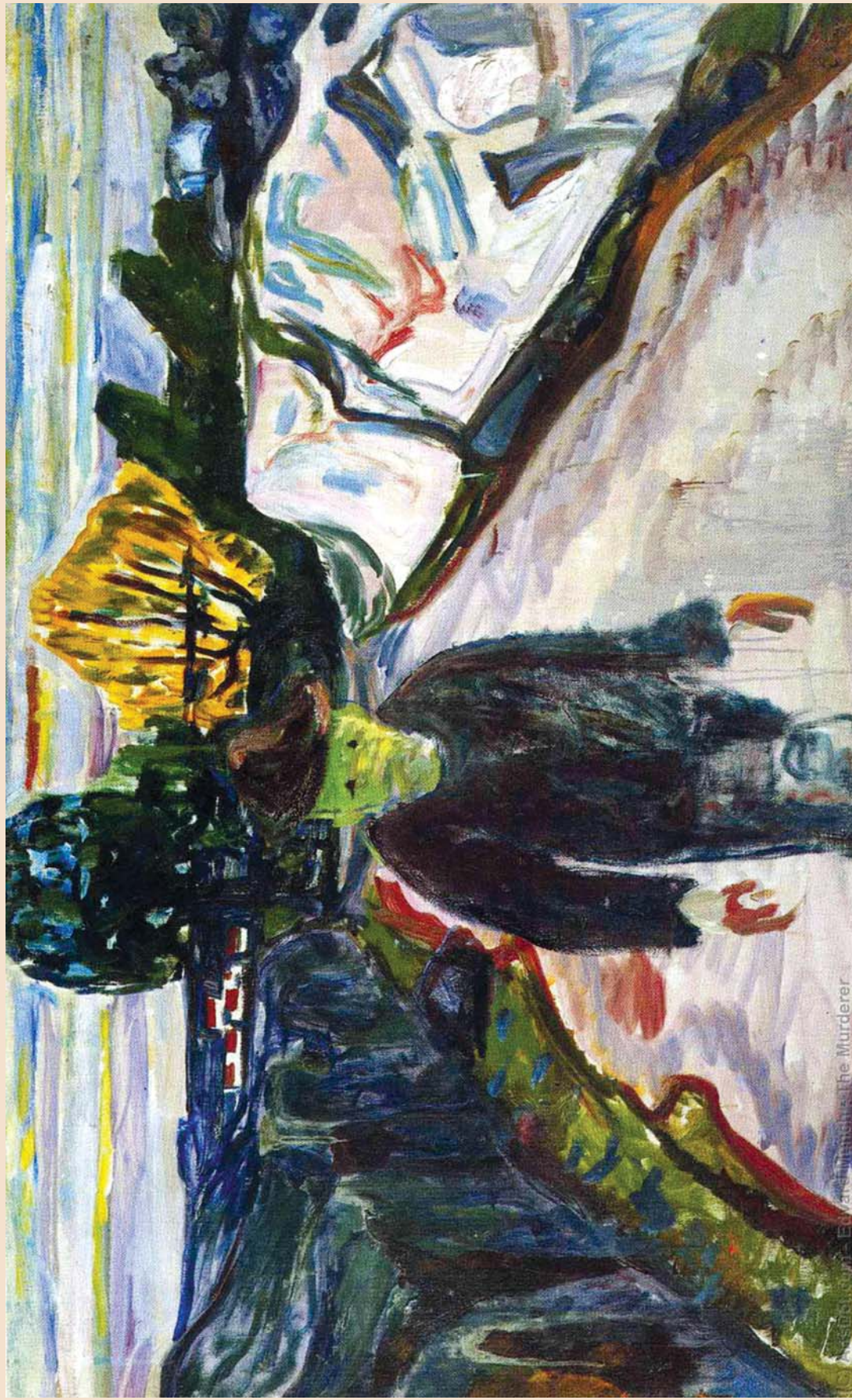
отход от жесткой позитивистской и неопозитивистской идеологии и «отказ от неровного отношения науки к нормативно-регулятивным системам: более или менее лояльного – к праву, критического – к морали (за ее склонность к метафизическим категориям)...»¹⁰.

---

¹⁰ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 183.

Воронежский государственный университет
Сазонникова Е. В., доктор юридических наук, профессор кафедры
конституционного и муниципального права

Voronezh State University
Sazonnikova E. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Constitutional and Municipal Law Department
E-mail: sazon75@mail.ru

Эдвард Мунк. «Убийца» (1910)

ЦВЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

У всего ли есть свой цвет? Явно.

А у преступления?! Возможно...

Какой?..

Бывают ли монохромные убийства, изнасилования и хищения или они представляют палитру эмоциональных красок? Может ли наше цветовосприятие распространяться на явления, запрещенные под угрозой наказания? Есть ли здесь место иссиня-черным или светло-розовым тонам? Когда сталкиваемся с явным злом, какое оно – черно-белое или с оттенками и тенями?

Вот уж для кого, а для художника точно есть «цвет преступления». Особенно, если он экспрессионист, такой как Эдвард Мунк (1863 – 1944). Его стиль традиционно узнаваем по самой известной работе – «Крик», которая, пожалуй, выразила всю боль и отчаяние одиночества в «новом мире» XX столетия.

Хотя «Крик» и является «визитной карточкой» Мунка, тем не менее не исчерпывает весь запас его экспрессионистской гаммы. Художник продолжает возбуждать чувства, посредством непредсказуемых, порой неестественных, чудаковатых цветных решений.

Его кисти принадлежит ряд работ с общим сюжетом и единым названием – «Убийца». К этой теме Мунк обращается неоднократно, вследствие прочитанной газетной заметки о том, как обычного горожанина задушили на дороге.

Это походит на кадр из фильма ужаса: фигура человека, а может, и существа, идущая на нас, расположена ровно по центру. Его лицо уже потеряло человеческий цвет и перечеркнуто мертвящими зелеными мазками. Остались только точки невыразительных глаз, уже осознающих содеянное. По окровавленным рукам становится ясно, что жертва сопротивлялась. О совершенном зле говорит и природа: багрово-кровавый ручей, закатное небо с всполохами багряных пятен и дорога, ведущая уже не к людям, а в неизвестность...

Искусство Эдварда Мунка многие считают болезненным и далеким от обще-

принятого и традиционного. В его картинах часто есть что-то от мира мечтаний, в них всё на грани фантазии и действительности. Однако через его полотна можно увидеть, что нас тревожит и волнует, глубже заглянуть в духовный мир человека.

Картины Мунка вызывают эмоции даже у людей, которые мало что знают о биографии художника и обстоятельствах, из-за которых его работы почти всегда окрашены в мрачные цвета. Мать художника умерла от туберкулеза, когда ему было 5 лет, отец ударился в религию, чуть позже от чахотки умерла еще одна его сестра, у другой – диагностировали душевное заболевание, а подытоживают ранние годы его собственные слова: «Болезни, безумие и смерть – черные ангелы, слетевшие к моей колыбели, чтобы сопровождать меня на протяжении всей жизни».

Не случайно любимый писатель Мунка – Достоевский. Именно у него он черпал свое мистическое вдохновение, через него смотрел на жизнь, как неизбежное зло, из-за него погружался в тревожное осознание грядущей неотвратимости смерти.

Несомненно, что апокалиптические рассуждения «главного литературного убийцы» Родиона Раскольникова оставили свой след в творчестве художника: «Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это всё теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...».

Д. Зотов